

Оксана Одрина

МИШНИИ

Страх
искусней
смельчаков

16+

МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Оксана Одрина

Лишний

«Автор»

2019

Одрина О.

Лишний / О. Одрина — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-98293-2

Страх искусней смельчаков, но есть группа молодых людей вместе с практикующим психологом, которые готовы доказать обратное. Они предлагают бедолагам, погрязшим в отчаянии, избавиться от страхов в заброшенной усадьбе - в Запустенье. Старый особняк оживляет любые фобии, поглощает больное сознание, открывает лицо страха и побеждает его. Лёшка панически боится лестниц и собственной жуткой смерти - каждую ночь во снах он погибает, сорвавшись с большой высоты, а приходит в себя на подоконнике распахнутого настежь окна в своей комнате. Больше он не в силах справляться с тревогами, отличать забвение от настоящего, и всё больше теряет связь с разумом. Но он хочет жить, и тут же хватается за предложенную незнакомыми ребятами возможность спастись от себя в недружелюбном доме. Пятеро отправляются в Запустенье, чтобы помочь Лёшке найти лицо его страха, но попадают в смертельную ловушку. Теперь, чтобы вернуться, каждому храбрецу предстоит одолеть не только свой, но и чужой самый безумный страх.

ISBN 978-5-532-98293-2

© Одрина О., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Мы не одни здесь	5
Глава 2. Таять больно	9
Глава 3. Верить не хотел	13
Глава 4. Трафарет	19
Глава 5. Чужой страх	23
Глава 6. Не хочу помогать	27
Глава 7. Я не смог тебя спасти	35
Глава 8. Взрослые страхи	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лишний

Глава 1. Мы не одни здесь

– Мы не одни здесь, – гнетущим двоящимся эхом неслось в высоте полутемного подъезда очередное предостережение. – Мы здесь не одни...

В том, кто эти невидимые «мы» и где находится такое вот сомнительное «здесь», Леше пора было бы уже разобраться. Вот только трезво мыслить не получалось, потому что на этот раз он попал в такую серьезную передрагу, что вероятность уцелеть в ней была ничтожно мала.

Хуже всего оказалось то, что он на лестнице. Поскольку даже обычных лестниц он боялся панически. Ну а уж эту нескончаемую, утонувшую в удушливом мраке, невероятно крутую и с ободранными перилами, по которой он мчался вниз уже больше часа, а низ так и не находился – боялся навязчиво и неконтролируемо. При этом он, конечно, понимал, что ступени ее вовсе не на улицу вели, а загоняли его – одержимого страхами безумца – в затхлый подвал, но и обратной дороги не было – ведь были еще и преследователи.

Как вошел сюда, Леша, к ужасу своему, не помнил. Где выход, не представлял. Кто преследует его, и вообразить боялся. А сам точно знал, кто за спиной.

– Смерть там, Лех, это твоя смерть, – с вызывающей усмешкой выносил он приговор самому себе, то и дело оглядываясь. – Давно думаешь о ней, ждешь. Сегодня точно за тобой. Беги теперь, найди эту чертову дверь с домофоном или сдайся и умри!

Сдаваться он не собирался. Но как ни бодрился, как ни подначивал самого себя, лишь бы не скатиться в проклятое отчаяние, неотступно следующее за ним последние полгода, силы уходили слишком быстро. Потому два лестничных пролета спустя Леша все-таки замедлился и, перейдя на быстрый шаг, окинул наконец беглым взглядом надоевшие, давящие на него плешивые в разводах грязи стены. А после и вовсе остановился и замер, уловив новые отголоски эха.

– Мы не одни здесь, – напряженно гудело оно с верхних этажей. И тотчас тревожно отзывалось само себе с нижних: – Мы здесь не одни...

Прежде чем эхо успело договорить, ярусом выше кто-то суетливо закопошился, шаркая по полу и беспорядочно громыхая по батареям. И Леша притаился в углу, еще надеясь, что, если не будет излишней возней привлекать к себе внимание, все обойдется, и его не заметят, как это было, кажется, этаже на восьмом. Однако пару секунд спустя на макушку ему посыпалось крошево штукатурки, и он без оглядки кинулся в сумрак очередного марша – увы, не обошлось.

Спасаться бегством в незнакомом месте оказалось нелегко и даже глупо как-то. Он и не сомневался, что со стороны выглядел жалким запыхавшимся, взмокшим ничтожеством, не иначе. Ну а уж когда, спотыкаясь, вновь и вновь налетал на повороты ржавых поручней, вышибая из себя воздух и делая так больно, что невозможно становилось дышать, кто угодно, ставший тому свидетелем, мог причислить его еще и к лицам с самоповреждающим поведением. Но свидетелей рядом не наблюдалось, а о самоповреждениях Леша не в состоянии был думать именно сейчас. Ведь едва болезненная пульсация под ребрами от таких побоев утихла, он пинал стойки ограждений и вновь пытался бежать.

В груди трепетала паника, и как бы часто он ни задира голову, пытаясь рассмотреть преследователей в темноте, все зря. Да и не мог он ничего толком увидеть, потому что зрение в очередной раз подвело в самый неподходящий момент: картинка реальности начала двоиться и расплываться. Еще немного, и кроме иллюзии тоннеля впереди, Леша не будет способен различать ничего. Как же все не вовремя!

– Иди ко мне, – внезапно понесся этажом выше до того вкрадчивый женский голос, что Леша похолодел. – Иди же ко мне, Алешенька...

Конечно, на чужой оклик Леша не поддался и вот уже добрался до следующей площадки лестничного марша. Третий или четвертый этаж, не выше. Теперь то он точно успеет найти нужную дверь.

– Ну и где же? – снова отчитывал он самого себя, не сбавляя темпа. – Где этот чертов выход, Лех?

Преодолев еще два пролета, он остановился – дыхание сбилось. А ведь тому виной те самые регулярные самоповреждения, будь он не ладны. И хотя они почти всегда давали знать о себе не меньше полчаса спустя, сейчас решили ускориться и заявили в три раза раньше: Лешу бросило в жар от внезапно накатившей рези под ребрами. Он привалился плечом к облупившейся стене и болезненно сжался, пережидая очередной прострел. Когда же по спине прокатилась волна до того нестерпимого холода, что начало знобить, он медленно обернулся и обреченно выдохнул:

– А вот и твоя смерть, Леха... Без обид, но выход из этого адового места похоже отменяется...

Леша на секунду зажмурился, а потом снова взглянул на преследователя. Вернее, на преследовательницу: по пяточку этажом выше плавно кружила высокая женщина в глухом черном платье в пол. Сквозняк из перекошенного окна слева трепал черную кружевную вуаль, полностью скрывавшую ее лицо. Останки стекла в окне при этом противно позвякивали от порывов ветра снаружи, а растрескавшаяся засаленная фанера, неумело прибитая к раме, тоскливо поскрипывала.

– Иди ко мне, – гнусовато напомнила о себе женщина без лица. – Иди же, мальчик мой...

Странно так... Она изящно взметнула руками, и краска на исписанной граффити стене рядом с Лешей с мерзким хрустом растрескалась, съезжилась и скрутилась, как тонкая бумага от времени или от огня. Вот только огня не было, и времени похоже тоже – был замогильный холод.

Неизбежность смерти Леша так и не принял и не смирился с ней, сколько бы не настраивал себя и не убеждал, что времени почти не осталось. И хотя снова побежать в поисках выхода и при этом парой этажами ниже ухватиться за перила, опасаясь свалиться с внезапно обледеневших ступеней, было предсказуемой ошибкой, – по перилам шустро разбегались глубокие трещины, кроша металл в рыжую труху, – другого варианта отсрочить свой слишком ранний исход, он не видел.

За ошибку он расплатился мгновенно. Его рука сразу заоченела – она больше не слушалась и словно примерзла к поручню, а пальцы свело такой мучительной судорогой, что хоть вопи. Зря он, конечно, задергался, выворачивая онемевшее запястье, замогильному холоду словно только этого и нужно было, и он в пару секунд присвоил себе часть тела бесполезно брыкающегося в его хватке глупца – от кончиков пальцев до плеча.

Однако глупец наконец сообразил, что с каждым рывком лишь быстрее приближает свой последний миг и с размаху так разъяренно ударил ногой в гнутые прутья ограждения, что они, взвизгнув, затряслись вместе с поручнем. А потом уязвленно лязгнув, отшвырнули озлобленного пленника в угол.

Больно приложившись спиной к стене, Леша не устоял и, падая, ударился головой о высокий подоконник. Грязно-серые краски подъезда на пару секунд потускнели, насколько это вообще возможно в и без того подслеповатом полумраке заброшки. Когда же они проявились во всей своей отвратительной мышшиной контрастности, за ними поспешил увязаться и не менее отвратительный голос:

– Иди ко мне... Иди ко мне, Алешенька...

Женщина без лица, ну кто бы сомневался... Куда ж он теперь денется от нее. Определенно, сбежать вполне себе успеет. Дама, похоже, застряла на месте их встречи, но для начала ему нужно изловчиться, чтобы подняться. Что не так-то легко, когда в виске не прекращая пульсирует боль. Особенно в левом, приложив пальцы к которому, Леша перепачкался в крови и нащупал приличную ссадину.

Сверху потянуло сквозняком, и, задрав голову, он недоверчиво сощурился, заметив на раме окна непонятный символ – черный разорванный снизу круг. Он медленно поднялся и шагнул ближе, но оступился среди битых кирпичей и подвернул ногу. А дальше и ахнуть не успел, как перед ним с грохотом обвалились ступени. И Леша шарахнулся назад, зажмурился и вжался в стену, словно та спасла бы его, обрушья лестница целиком.

– Вот черт, – издевательски прыснул он, с опаской приоткрывая один глаз. – Вот этого мне как раз и не хватало для окончательного помешательства.

Зрелище было пугающим – в пролете чернела внушительных размеров дыра с обгрызенными краями. И потому дышать ровно и не смотреть вперед было для Леша непосильным испытанием – изнутри его колотил нервный озноб. Радовало хотя бы то, что омертвевшая кисть пусть и лениво, но приходила в себя. Правда, чувствительность возвращалась, а неестественный холод, недавно отнявший ее у Леша, уходить не спешил. Напротив, он все больше проникал под одежду и расползался по спине и левому боку.

А между тем рваную дыру заволочло удушливой пылью, и несомненно жуткой высоты под ней пока было не рассмотреть. И хорошо, потому что высота добьет хрупкую вменяемость Леша окончательно, и тогда уж точно всему конец. Ну а ступени он обязан выдержать, они же просто осыпались, хоть и оставили после себя переломанную ржавую арматуру.

– Иди ко мне... – ухнул в пропасть посреди лестницы голос женщины без лица и понесся по невидимому дну отстраненным отзвуком.

Идти, да куда же ему еще идти? И зачем? Он совсем выдохся и измотался, да и к тому же попросту глупо потерялся в обычной, на первый взгляд, запустелой высотке. Ну а если уж честно, что его ждет, если он все-таки выберется? Ничего! Исключительно нескончаемые страхи, которые таятся в его сознания, когда за окном светло, и пожирают рассудок, как только смеркается. Тогда зачем же он все еще идет?..

Перепачканный грязью и кровью, в синяках и ссадинах, с содранными руками и разбитыми коленями, то и дело хлюпающий носом и потряхиваемый паническим ознобом, он вдруг так разозлился на себя расклеившегося, что единственным действенным вариантом заглушить голос страха, больше и больше поглощавшего сознание, оказалось отыгаться за все на массивной раме окна напротив.

– Сдался? Серьезно?! – вскипел Леша. – Нет, уж точно не так и не здесь!

И он отыгрался: с размаху так основательно саданул кулаком по крепкой с виду старой раме, что она пошла трещинами. А вот черный разорванный снизу круг, оставленный кем-то на ее панели размашистым мазком, не только уцелел – он проявился четче и угрожающе чернее.

Картинка происходящего вновь начала двоиться. От пропыленного воздуха в голове помутилось, и Леша, ссутулившись, попятился, зажмурился и до боли прикусил губу, надеясь, что хотя бы боль поможет остаться в сознании.

Когда же он открыл глаза, то так внезапно ослеп, что его обьял ужас. Обхватив голову руками и отчаянно застонав, он заметался по площадке в поисках хоть какого-нибудь света, напрочь позабыв о провале впереди. Оступившись, он упал на колени, крепко зажмурился и затряс головой, еще надеясь, что зрение вернется, пусть даже и тоннельное. Но оно не вернулось. И тогда Леша бросился шарить по невидимому полу руками, зло цедя сквозь зубы:

– Не умер же я? Не умер, правда...

Договорить он не успел, голос оборвался – необъяснимый паралич сковал горло так сильно, что кроме хрипов, он не мог выдать из себя ни единого звука. Судорожно вздраги-

вая, он из последних вменяемых сил царапался о куски кирпичей на полу, чтоб чувствовать – чувствовать жгучую боль, а значит и себя живым. Но едва он наткнулся на переломанные стальные штыри, как руки его провалились в разлом в полу, и в это самое мгновение пробудилась она – его одержимость.

Страх погибнуть в падении с огромной высоты в секунду взорвал мозг, и Леша рванул назад, опрокинулся на спину и погряз в безумии. Глухо провыв, он на мгновение скорченным замер на краю пролома, а потом там же заметался в неуправляемом истерическом припадке. И хотя он снова и снова пытался остановить собственное помешательство, затыкая рот кулаком, чтобы заглушить себя, все зря – оно не останавливалось.

Сколько прошло времени, прежде чем беснования оступились от Леша, а зрение вернулось, определить он не мог. Да и не нужно ему это стало. Он, окончательно вымотанный не только физически, но и психически, так был рад, что наконец затих, и больше его тело не ломало и не гнуло в неестественных болезненных позах, что, сжавшись в комок, уткнувшись лбом в колени и впившись в грязные волосы окровавленными пальцами, только и смог выдавить из себя единственный стон облегчения.

– Иди ко мне, Алешенька... – вновь протянул из сумрака бесчувственный голос. – Иди...

– Тебе надо... – сбивчиво прошептал он, понимая, что свое теперь уж точно отходил. – Ты и иди...

Глупо было верить, что он сможет спастись. Нет, нигде не скрыться ему от собственных страхов. Как и встречи с женщиной без лица не избежать. Ведь он – Леша, совсем один непонятно где, некого позвать, никто ему не поможет – и вот теперь он совершенно точно умирает, чего, собственно, всегда и боялся. Допрыгался.

– Да прыгай же, Леша! – внезапно раздался из сумерек словно глубоко простуженный голос. – Прыгай немедленно, или Пагуба расправится с тобой!

Глава 2. Таять больно

Дрожащие ладони с трудом сползли с глаз, и Леша увидел самую обычную девушку: бледное без капли косметики лицо, колючий взгляд темно-синих глаз и светлые непослушные волосы, что выбивались из-под капюшона короткой куртки терракотового оттенка.

То и дело оглядываясь на женщину без лица, которая неспешно спускалась к ним, девчонка молчала, поджав тонкие губы. Как вдруг бросилась к Леше, схватила его за плечи, приподняла, встряхнула хорошенько, кивнула на окно справа и неприветливо процедила:

– Прыгай же!

– И не подумаю, – заупрямился он. – Это еще хуже. Только не так. Нет!

Взять и самому шагнуть в окно? Ага, конечно! Ничего у них не выйдет!

– Не дождетесь! – взбунтовался он и рывком отпихнул в угол невменяемую собеседницу.

И хотя подняться на ноги получилось у Леша на удивление быстро и просто, все же поймать равновесие и, не глядя вниз, перескочить пролом в марше и снова броситься к выходу – прошло неважно. Ну, как броситься – это, конечно, слишком громко сказано – его прилично пошатывало. Однако измученный паникой Леша пока держался и старался перейти с быстрого шага на бег.

Следом за ним по перилам множилось все те же рваные трещины, что парализовали его ладонь совсем недавно. И без того тусклый свет то и дело мерк, но конца лестницы так и не было видно.

– Иди ко мне, Алешенька... – настаивал на своем монотонный голос в пелене мглы над ним.

– Сколько ж можно? – разнервничался он, нестерпимо желая отыграться да хоть на тех же поручнях, но сдержался – еще одно окоченение в его планы не входило. – Сколько мне идти? И куда? И почему именно Алешенька?..

А потом подъезд закружился: обычное зрение снова подвело и без предупреждения сменилось тоннельным. Потом перед глазами заплясали разноцветные пятна, и Леша остановился. Он прислонился к очередной иссохшей фанере ближайшего окна, надеясь вернуть резкость картинки, часто поморгав, и заодно отдышаться, но не успел ни того, ни другого – со спины его настигла женщина в черном.

Будто тряпичную куклу, она рывком развернула его лицом к себе, крепко ухватив за плечи. А Леша и сориентироваться в происходящем не смог, как тысячи ледяных игл одновременно вонзились в его тело. Он вскрикнул, но голос его оборвался гортанным хрипом. Следом кожу его лица начала болезненно драть непонятно откуда взявшаяся корка льда, и он, конечно, дернулся к окну и бросил в сторону рамы руку, надеясь выбраться из проклятого дома хотя бы так, но мгновенно заоченел, словно в секунду промерз насквозь.

Ему бы увидеть в последний раз ее – ту, что так хладнокровно расправлялась с ним, но мешали припорошенные инеем ресницы. И только траурная вуаль перед глазами, и не разглядеть лица убийцы.

Где лицо?..

– Алешенька... – чуть слышно напомнила о себе безликая дама. – Иди ко мне, мальчик мой...

Женщина в черном подалась вперед, еще крепче сдавив плечи пленника – пленник лишь мелко вздрогнул, не способный теперь не только кричать, но и дышать. А потом ухо его резанул до того скрежещущий визг, что померещилось будто слуха он тоже лишился. Однако он слышал. Да и хватка женщины внезапно ослабла – Леша наконец задышал, жадно хватая ртом стывший воздух, но не устоял и свалился в хлам на полу. Сжавшись, он обхватил руками горящий от боли живот – внутри драло так, словно натолкали туда битых кирпичей.

– Папа... – беспомощно простонал он, корчась в жалких попытках подняться хотя бы на колени. – Папа, где ты?.. Помоги, папа?.. Мне очень больно...

– Прыгай, Леша, прыгай же! – над ним снова нависла незнакомая девчонка. – Прыгай, Лешечка, ну, пожалуйста!

А что, если и правда махнуть в окно, чего ему терять-то? Нет, слишком поздно, – допрыгался он, зачем себя обманывать, – в одиночку он просто встать на четвереньки и то сумел не с первого раза.

– Уходи, – пропыхтел он, когда на карачках все же дополз до угла, забился в него и уперся затылком в обледеневшую стену.

К удивлению своему, он отметил, что женщина без лица отступила и теперь словно статуя возвышалась над ними чуть выше по ступеням. Вопрос, что именно ее спугнуло и вынудило отдалиться от него, в пару секунд почти замерзшего насмерть, пока оставался без ответа. Ведь Леша пока никак не мог справиться ни с собой, ни с собственным голосом, куда там до вопросов.

Зато отважная девчонка оказалась намного проворнее: любые попытки женщины без лица приблизиться к ней заканчивались неудачей. В ладони девушки помещался небольшой фонарик на лямках. Она светила им на безликую тетку при малейшем шорохе, а та изворачивалась и шипела, но ближе подбираться не решалась – причудливое парящее мерцание, источаемое фонариком, похоже обжигало ее.

Кое-как поднявшись и с трудом волоча ноги, Леша наконец шагнул к окну, но согнулся от очередного спазма в животе. Потом к горлу подступила дурнота, и едва он ухватился за храбрую блондинку рядом, как захлебнулся потоком из себя же – самой обычной водой. Только почему-то ледяной...

– Сейчас пройдет, – успокаивала бесстрашная девчонка, толкая его спиной к подоконнику.

Вот и дряблая рама, а на ней неприметным затаился такой же символ, что и парой этажами выше – разорванный снизу черный круг.

– Горячий душ, горячий чай, и ты оттаешь, – подбадривала она, усаживая обессиленного парня на подоконник. – Привыкай, Дефект, таять больно. Сопrotивляйся.

Девушка стянула с себя странный фонарик и убрала его в карман куртки. Следом резко выпрямила Лешу – он сдавленно всхлипнул. А она стала рывками выталкивать его в окно. Он слышал звон бьющегося позади стекла, видел пронзительный взгляд ее темно-синих глаз, слышал крик из темноты лестничного марша:

– Аня, прыгай! Аня, Пагуба не одна здесь!

Вцепившись в каркас, что рассыпался в прах, и зажмурившись, чтобы не видеть безразличия на по-детски невинном лице напротив, Леша только и выдохнул:

– Не хочу умирать...

Но девушка не отозвалась и не пощадила, а с размаху еще сильнее ударила Лешу в грудь. Пальцы его проскребли по деревянным откосам, и он опрокинулся и соскользнул вниз.

Потом случилась внезапная короткая слепота, острая резь в животе, удар затылком о пол.

Больно. Он застонал и изогнулся чуть вверх, чтобы успокоить прострел в пояснице. А через минуту, недоверчиво чуть приоткрыв глаза, замер – над ним светлый потолок его комнаты и знакомая с детства люстра, с плафонов которой свисали серебристые кольца на тонких витых цепочках.

Когда пришло осознание, что он дома, а все, что приводилось ему – очередной ночной кошмар, Леша сжался на ковре, подтянул колени к груди, уткнулся носом в ладони и приглушенно простонал:

– Я умираю, мам... Я не хочу, но не могу этого остановить... Помоги мне... Помогите мне хоть кто-нибудь...

Лежал он так долго, успокаивался и оправдывался перед собой же за мысли о собственной смерти повторяющимся сном. Потому что именно этот навязчивый сон не отпускал его из ночи в ночь уже почти месяц. Он мучил Лешу, выворачивал наизнанку, выматывал, забирал силы и рассудок. Только сон...

Оправдав себя, он наконец кое-как поднялся на негнущиеся ноги, шагнул к окну и окинул тоскливым взглядом комнату. Он дома, и оставался дома. Не было никакого пропыленного подъезда, женщины в черном и хмурой девчонки, безжалостно вытолкнувшей его из окна. Нервы снова шалют, какие еще нужны объяснения. Это обязательно пройдет само, нужно немного подождать.

Ну а то, что, чуть приподнявшись, он зашипел от боли в левом плече, так это оно пострадало при падении с окна в его комнате. Плюс ссадина у виска оттуда же. Ведь он несколько дней подряд просыпался именно на окне. Как туда забирался не помнил. Зато хорошо помнил, что створка всегда оказывалась распахнута, а он стоял на самом краю подоконника, почти на улице, цепляясь за раму. Нервы, не иначе...

Или все же что-то с ним такое происходило, чего он и сам себе объяснить не мог? Происходило, конечно: засыпая, он каждый раз попадал в подъезд заброшенного дома, где женщина без лица шла за ним и звала ненавистным именем «Алешенька», – да-да, они уже встречались, – а сегодня чуть не убила.

Тогда, может, он попросту с ума сходит? Возможно такое? Ведь как именно люди теряют разум и себя, никто наверняка не знает. Леша вот каждую ночь в ключья самого себя разносит и пылью рассыпается, хоть спать не ложись. Сны как реальность – чувства, запахи, холод, боль.

– А вдруг по-настоящему все?.. – лихорадочно содрогнувшись, прошептал он.

– Леш, ты в порядке? – послышался за дверью взволнованный голос мамы. – Ты что-то уронил?

– Да, – соврал он, упираясь одной рукой о подоконник, а другую прижимая к внезапно разболевшемуся животу. – Стул. Я в норме, мам.

– Я на работу, Леш. Еда на столе. До вечера.

Леша не ответил – вмиг накатила дурнота. Поперхнувшись, он ссутулился. Потом опустился на колени, не в силах устоять, и из него полилась вода. Так вот что распирало его изнутри. Может, замерзла вода вместе с ним в том доме, а позже оттаяла и царапала кусочками льда. Бред, конечно, – съел что-то, отравился. Почему вода тогда?..

Поломанный судорогами, он свалился на пол у кровати, а болезненные приступы выталкивали из него новые и новые порции непонятно откуда столько в нем взявшейся жидкости. Ковер под ним промок насквозь, да и на самом уже сухой нитки не осталось, а он все никак не мог «это» остановить. И самое страшное, он не понимал, что «это» такое с ним происходит.

Сколько так пролежал, разобрать даже примерно не смог. Время словно перестало существовать, растянулось и переродилось в материю из всхлипов и стонов снаружи, и рези и ломоты внутри.

Просто сесть и то получилось у Леша далеко ни сразу. А уж на то, чтобы встать и, пошатываясь, цепляясь за стены и косяки дверей, добраться до душевой кабины, ушли и без того его последние силы. Но когда горячая вода полилась на него, стало легче: он хотя бы перестал дрожать и задышал без боли. И только когда наконец вытерся полотенцем, снова наткнулся взглядом на кровоподтек на левом плече, которое ушиб, когда упал с окна.

– А вдруг все правда? – недоверчиво косясь на припухший сустав, обронил Леша. – Чушь, конечно... Возможно, стоит маме рассказать, и она поможет. Или не стоит...

Противоречивые сомнения еще долго не давали покоя, и чуть отступились от Леша, только когда он совсем согрелся. Есть не стал. Какой там завтрак, когда из него фонтан воды как из пожарного шланга только-только бить перестал. Вот свежего воздуха, да, сейчас бы не

помешало – сентябрьского, теплого. На улицу ему нужно выбраться – туда, где нет ни чертовых окон, ни лестниц.

Он поежился, вспомнив разоренный подъезд из своего кошмара. Стащил с вешалки в шкафу толстый вязанный свитер, надел его поверх черной футболки, растянул рукава и спрятал в них ладони. Потом вышел в прихожую, и осторожно, чтобы лишний раз не беречь травмированную руку, накинул куртку. Колюче улыбнувшись собственному нездоровому отражению в зеркале на стене, он осторожно провел пальцами по заметной царапине у виска, взъерошил и без того непослушные темно-русые волосы и наконец вышел.

Но что же это?! Перед ним снова проклятый лестничный марш! Неужели все сначала?! Отскочив, Леха прижался спиной к двери собственной квартиры. Следом сердце заколотило, потом пальцы задергало. Да нет же, нет! Здесь светло и чисто, вон и изумрудный плющ по всему подоконнику на межэтажной площадке расползся.

– Псих, ты, Леха – впереди обыкновенная лестница, опомнись! – шепотом выговорил он себе же. А после, как и обычно, стал оправдывать: – Тут твой подъезд и дом, обычные ступени и перила, а все остальное, Леха – это твои идиотские детские страхи!

Глава 3. Верить не хотел

Двери лифта лениво закрылись за спиной, и Леша с облегчением вырвался из приставучей полутьмы высотки на улицу. Где, прикрыв глаза и с наслаждением втянув осенний воздух, он еще долго смаковал задержавшееся сентябрьское тело, которое мгновенно проникло в него и согрело получше горячего душа.

Как же хорошо... Почему ему вот так спокойно не может быть всегда? Почему всегда он встревожен и раздражен?

Отца звал сегодня во сне, о помощи просил: «Папа, помоги... Папа». Глупо как-то. Не нужен был папке никогда. Уйдя из семьи, тот забыл о сыне много лет назад. Ни разу не побеспокоился, что там с ним, как он, кто и зачем. Да и зачем?..

Леша растер в жар ладони, отгоняя остатки тошного сна. Он живой и настоящий, а остальное – обман разума. Все наладится, он соберется и больше не потеряется в кошмарах. Сегодня он главный, а пустым полуночным сновидениям его не растоптать.

Просияв пусть и наигранной беспечной улыбкой, он крутанулся на месте и внезапно налетел на соседа снизу – Андрея Анатольевича, местного дворника. Тот от столкновения с ним отлетел к металлической двери подъезда и, пождав губы и смешно раздув ноздри, запыхтел.

– Извините, – поспешил исправиться Леша, но поймав на себе гневный взгляд Андрея, попятился. – Я вас просто не заметил.

– Извините? – возмутился Андрей, поправляя прежде ярко-зеленую жилетку.

Засаленная, местами прожженная, с одной поломанной пуговицей у самого горла, но гордо развевающаяся на ветру, одежда эта представилась Леше, повидавшем многое плащом героя-неудачника. Что как раз и соответствовало Андрею, чего уж скрывать.

– Не заметил? – вспыхнул Андрей, и тут же пальцами нелепо раздвину сам себе веки. – А ты глаза свои разуй, вот так, попробуй! Уши заткнут наушниками, врубят на полную мощность бесовскую музыку и летят неизвестно куда, неизвестно зачем! Паршивцы!

– Не вам меня жизни учить, Андрей Анатольевич, – прыснул Леша и брезгливо покосился на кроссовки собеседника с дырявыми носами и порядком оголодавшей подошвой.

– Неужели? – съязвил дворник.

– За последние пять лет я вас трезвым видел раза два, не больше, – насмешливо заметил Леша. – В бомжа превратились и гордитесь этим. Смотреть противно!

– Чего? – нахмурился он. – Не понял.

– Вы все услышали, Андрей, – метнул словечком Леша.

– За собой следи, юнец, – колюче ответил дворник, назидательно задрал указательный палец. – Жизнь – штука сложная. Сегодня на вершине – завтра на дне.

– Я на дно уж точно не опущусь, – смело дерзил парень. – Я себя уважаю и...

– ...И не зарекайся, Алешенька, – перебил Андрей, лениво потягиваясь и почесывая затылок. – Ох, не зарекайся. Запустенье рядом с каждым из нас. И с тобой тоже. Остерегайся собственных страхов. Остерегайся лестниц. И про подвал помни.

– Что?.. – уронил Леша, а у самого холодок по спине побежал.

– Подвал жизни еще никто не отменял, – сумничал Андрей и, ощеряясь, многозначительно развел руками. – Возьми на карандаш, и не зевай, когда окажешься один на один с дырявым домом.

Едва договорив, Андрей сорвался с места и метнулся к крыльцу. Мешковато ссутулившись, он поднял метлу и, пошатываясь, направился в сторону соседней многоэтажки. На прощание он бросил через плечо в сторону Леша сердитый прищур, но оступился на бордюре, чуть не свалившись на газон. Вовремя поймав равновесие, он отшатнулся и заковыристо выругался – изрядно голодная еще минуту назад подошва его ботинка навеки покинула хозяина,

пропав в мелкой луже позади него. Через секунду он совсем исчез из виду, а Леша остался в одиночестве.

Этот самый Андрей Анатольевич жил этажом ниже все время, что Леша себя помнил. И, кажется, всегда выглядел одинаково: растрепанные темно-русые волосы, вечная небритость, затертая до дыр одежда и обувь, потрепанная сумка через плечо. Он много курил и постоянно болтался по округе под приличным градусом. Иногда он спал на лавочке у подъезда, случалось и на автобусной остановке или прямо на тротуаре. Даже зимой. Так-то и квартира у него была, и работа какая-никакая, но что-то тянуло бедолагу в пьянство, нищету и запустение. И только всегда новые кожаные перчатки на руках были его визитной карточкой: и зимой, и летом, всегда черные. Чем объяснялась эта идеальность среди остальной заброшенности, Леша не понимал. Как не понимал и последней фразы Андрея.

А еще «Алешенька» ...

Леша поежился, снова вспомнив сегодняшний кошмар. Откуда дворнику знать об «Алешеньке» и его страхе перед ступенями?

– Ниоткуда! Полная чушь, – уверял он самого себя. – Просто фразами кидался. Нужно успокоиться и забыть о страхах и...

И тут перед Лешей предстала небольшая лестница, которая вела к остановке. Ступени ее давно раскрошились от времени, непогоды и людских походов. Однако лестница эта не будоражила его болезненную панику, нет, скорее, он жалел ее. Она была совсем не страшная, а печальная и забытая. Похожи они с Лешей. Даже глупо, но так и есть. Он такой же вот покинутый и потерянный. Вернее, потерявший отца.

Впрочем, тот потерялся по собственному желанию. Он ушел из семьи, едва Леше исполнилось семь. Исчез и забыл о сыне. А мальчишка ждал его: совместных прогулок, походов в кино и в парк аттракционов, искренних разговоров, да обычного звонка. Маленьким верил, что папа скоро придет с кучей новых игрушек и позовет с собой на улицу играть. Позже злился на него за равнодушие, а еще позже ненавидел за безучастие к своей судьбе. Не понимал, почему с ним так, и чем он заслужил отцовскую нелюбовь.

Беда настигла Лешу не сразу. Сначала настигли обиды. Они не отпускали его так долго, что в пятнадцать, слушая от одноклассников о доверительных отношениях с родителями, Леша испытывал только одно – отвращение. Тогда же он до безумия жаждал встречи с нерадивым папашей, чтобы высказать все, что разъедало его изнутри бессонными ночами, а после болело при свете однообразных дней. Но папа за двенадцать лет так ни разу и не появился в жизни взрослеющего сына.

А дальше как раз беда и явилась. Ведь Леша за это время настолько погряз в отрицании отца, что не заметил, как впал в отрицание и самого себя тоже: мыслями о личной ненужности, безуспешности и ущербности он довел себя до повторяющихся нервных срывов, неконтролируемых страхов и до навязчивых мыслей о нелепой и непременно жуткой собственной смерти.

С мамой тоже отношения особо теплыми не сложились. Леша не делился с ней переживаниями. Он ни разу так и не решился довериться ей. Потому что не понимал, как именно мама могла разобраться, что в его мальчишечьей душе болело, если сама она внутри девочка? Никак. Вот и сегодня даже в комнату не вошла, хотя слышала, наверняка, что-то не так с сыном – может, помощь нужна, или он вообще умирает. Нет, «Пока», и все дела. Ну и ладно, сам справится, ему давно не семь. Он соберется, прямо сейчас поднимется по этой беспризорной лестнице и сядет в маршрутку до центра города.

– Это только лестница, Лех, – внушал он самому себе, нервно растирая ладони, когда половина пути была позади. – Очередная лестница твоей жизни.

– Леш, подожди, – окликнул его со спины незнакомый и знакомый одновременно голос.

И Леша потерянно обернулся. Дыхание перехватило, и он запаниковал. У подножия лестницы стояла девушка из его сегодняшнего кошмара – бледное лицо совсем без макияжа, светлые волосы каре, короткая куртка.

Сомнения вмиг победили здравый смысл, и он завертелся в поисках прохожих, – возможно, он по-прежнему спал, – только людей вокруг не было. Равновесие подвело, он пошатнулся, и часть ступеней осыпались. Дернувшись в сторону, он чуть съехал, но удержался. Крошево цемента при этом поползло под ноги девушки, но она даже и с места не сдвинулась – стояла и смотрела на Лешу.

– Леш, помоги, пожалуйста, – на одном дыхании выпалила она.

– Что? – нахмурился он. – Кому?

– Саше, – решительно заявила девушка.

– Я не знаю никакого Сашу...

– Ты его знаешь, – настояла девушка. Она перескочила две шербатые ступени и встала ближе к Леше. – Он почти месяц помогал тебе выходить из Запустенья.

– Откуда? – озадачился Леша и попятился. – Что за...

– Из Запустенья, – перебила его девушка. – Ты как-то необъяснимо туда попадаешь. Возможно, из-за собственных страхов. Но выйти сам пока не можешь, вот Саша тебе и помогал.

– Что происходит? Ты кто такая? – насторожился он. – Мы встречались?

Самообладание подвело, и, хотя он снова и снова озирался по сторонам в поисках горожан, оживленнее не становилось. Он растерялся и заметался в недоверии к реальности происходящего. Снова сон? Или нет? Да что тут вообще происходит? Ну не мог же целый микрорайон за пару минут взять и обезлюдить в час пик с утра?

– Я – Аня, – представилась девушка.

Не раздумывая, она выхватила из кармана куртки смартфон, где на заставке оказалось фото молодого человека, очень похожего на нее, только старше, и предъявила собеседнику:

– Это мой брат – Саша. Ты должен помочь, Леша. Ты, как мы – Дефект.

Ну, нет, это уже было слишком даже для одержимого тревогами Леша. Он уткнулся носом в ладони, потом потер глаза и засопел. Дефект, что за бред, нет у него никаких дефектов. Он нормальный!

– Тебе лечиться нужно, куколка, – наконец скривился в язвительной улыбке Леша. Вышло неправдоподобно – не умел он ехидничать.

Мало того, что его сегодня половину дня полоскало мерзкой ледяной водой и мучало болью и в животе, и в левом плече, так тут не ко времени его еще и бракованным назвали. Или ко времени, и он и в самом деле с изъяном – умом то точно тронулся.

– А лучше бросай курить всякую ерунду, – посоветовал он девчонке, отгоняя прочь мысли о собственном возможном психическом нездоровье. – Там и с головой лучше станет.

– Меня Аня зовут, – спокойно отозвалась девушка. – И я не курю.

– Мне все равно, – честно признался он, то и дело сжимая в кулак внезапно оцепеневшие пальцы поврежденной руки. – Оставь меня в покое, Аня, и иди куда шла.

– Но ведь Саша помогал тебе, пойми, – глядя мимо него, надуту произнесла Аня. – Он считал, что ты Переход.

– Я никого о помощи не просил, – стараясь говорить дружелюбно, отозвался он. – И никогда в ней не нуждался, понимаешь, Аня?

– Нуждался, – стояла на своем девушка.

Понятно же, что пора было менять подход к этой болтовне. И возможно, более спокойный тон смягчил бы и собеседницу, и она отстала бы, поняв, что обозналась. Однако терпение заканчивалось, и Леша все сильнее злился на Аню, что стояла почти напротив него, и на себя, за то, что слушал ее и не уходил. Что его держало? Ничего. Тогда, чего же он медлил?

– Ну и что еще за переход? – пожал плечами он. – Что за ерунда? Я даже не знаю, что это. Понятно же, ты ошибочно приняла меня за другого.

– Вот и нет, я не ошиблась, – возразила Аня, убирая сотовый в карман куртки. – Тебе как раз очень нужна помощь, чтобы справиться со страхами. А с командой всегда легче через них проходить. Сам позже поймешь.

– Серьезно? – насмешливо выдохнул Леша. – Твоя помощь мне точно не потребуется.

– Пагубы убьют Сашу! – вдруг воскликнула Аня.

– Меня это не касается, – процедил он, окончательно потеряв терпение и надежду на то, что девушка наконец отстанет от него. – Мне нет дела и ни до тебя, и ни до твоего брата. И ни до кого вообще, потому что...

– Касается, Леша! Ты следующий после Саши будешь! – оборвала его Аня и, скаканув еще на две ступени вверх, чуть ткнула кулаком ему в грудь.

– Ты сумасшедшая, да? – поднял он на смех Аню, отступая на шаг. – Опомнись! Нет никакого запустенья, пагуб и дефектов.

– Есть! – упорствовала она. – В твоей комнате на окне есть символ Порядка. Пойди и посмотри, если не веришь.

– Хватит. Я уйду, – отрезал он. – На сегодня это слишком, ну, правда.

– Нет, ты так не поступишь, – настояла Аня, мгновенно оказавшись перед ним. – Ты должен помочь.

Крошево ступеней, шурша, снова посыпалось вниз, но она этого, словно не замечала – не оступалась, не скользила, шагала твердо, смело и настойчиво. И взгляд был такой же – упрямый и непокорный.

– Помоги, Леш, прошу!

– Могу. И поступлю, – жестко заявил он, стараясь смотреть на Аню равнодушно. – И я тебе ничего не должен.

– Значит, Саша ошибся, и никакой ты не Дефект! – внезапно враждебно высказалась Аня. – Ты трус, Алешенька! И в следующий раз никто не придет и не спасет тебя от Пагубы! Замерзнешь, как сегодня, и больше не оттаешь! И так тебе и надо, храбрец недоделанный!

Слова Ани вдруг задели Лешу так глубоко и больно, что злость, копившаяся весь этот разговор, вскипела в груди и теперь рвалась наружу. Ему бы накричать на Аню, и на том их знакомство точно бы закончилось, но воспоминания о собственном вое, который он затыкал кулаком, корчась на полу в подъезде и копошась в том проклятом пропыленном прахе из сна, остановили его. Это и есть помешательство на почве нервного срыва, и совсем не тихое, а Леша не такой, он адекватный.

– Уходи! – вздернув подбородок, заявил он, отвернулся от собеседницы и двинулся вверх.

– Ты еще хуже, чем Пагубы! – разозлилась Аня. – Ты не Дефект, ты слабак! И без тебя справлюсь, сама Сашу найду, одна. А ты иди домой и спрячься в комнате ото всех, в угол забейся и скули! Так ведь ты поступаешь, когда накрывают страхи, верно? А они накрывают все чаще и чаще! Сопротивляться не пробовал, Алешенька?!

Леша наигранно, вроде как лениво, обернулся и процедил:

– Что ты знаешь обо мне, девочка? Ничего.

– Ты и сам о себе ничего не знаешь, мальчик! Ты умрешь, Леша, очень скоро умрешь, – продолжала запугивать Аня. – Ты это чувствуешь, и не находишь себе места. Возможно, потому страхи и не дают тебе покоя. Твое время на исходе: умрешь на одной из своих бесконечных лестниц в Запустенье и...

– Хватит! – все же вышел из себя Леша и впечатал ладонью в облезлые металлические поручни. – Я не умру, ясно? Я не умру!

– Мне жаль тебя, – презрительно хмыкнула Аня, глядя мимо него.

А Леша, скривившись в подобии равнодушной улыбки, ответил:

– А мне тебя нет.

Бросившись к тротуару, он, не оглядываясь, помчался обходной дорогой домой. Спрятал руки в карманы, и сам вроде как спрятался: скрылся от Ани, ото всех и от себя пытался, но не выходило – вновь предавал себя размышлениями о смерти. О чудовищной смерти непременно на лестнице...

Как влетел в подъезд и поднялся на пятый этаж, Леша не помнил. В голове туман и мысли о скором уходе. Нервы натянулись, готовые в любую секунду порваться. А ведь это все сумасбродная Аня вывела его из себя, и ни ко времени взбудоражила его и без того недремлющие кошмары.

Скоро умрет, как же! Не дождётся!

Пришел в себя он только в собственной комнате, когда наступил в ледяную лужу у кровати. И как в нем столько воды вообще оказалось? И почему она до сих пор такая холодная... Носок на правой ноге мгновенно промок, и, всплыв, Леша заехал кулаком в стену, но тут же заныл от боли в плече. Стянул футболку – сустав по-прежнему припухший и в кровоподтеках.

– Что за дела-то такие, – пробубнил он, натягивая вместо майки плотную водолазку с высоким горлом, чтоб уж наверняка мама не заметила увечья.

Перешагнув лужу, он направился к окну и отдернул занавеску. Однако потянувшись к чуть приоткрытой створке, чтобы распахнуть ее шире, впустить свежий осенний воздух и просушить наконец палас, он замер на месте. Ведь под пальцами на пластике отделки оказался тот странный знак из его сна – не до конца прорисованный черный круг. Правая рука его сползла с рычажка, так и не повернув его, и съехала на подоконник.

– Ну нет, этого не может быть... – уронил он, не веря своим глазам. – Она не знала, не могла...

Поразило его лишь на секунду, поскольку, проведя по рисунку пальцем, он не просто не стер его, но даже не смазал. А потом не то в зазоре стеклопакета, не то за ним с улицы четко и объемно проявился мрачный холл незнакомого дома, и пахло плесенью.

Правила игры изменились, стоило Леше полностью закрыть ладонью неприметный рисунок, когда, спасаясь от головокружения и дурноты, он уперся в раму: непонятно откуда взявшийся удушливый воздух внезапно целиком заполнил спальню, а на белом откосе окна проступили знакомые рваные трещины. Они разбегались, перебирались на шторы, стены, потолок и плинтуса.

Ну а потом мокрый ковер у кровати так быстро постарел, что Леша и отскочить в сторону не успел, как тот расползся на пыльные клочки. Следом обои на стенах облезли, просалились и местами свисли ободранными кусками. Люстра почернела. Плафоны покрылись пылью и растрескались. Облезлые кольца на цепочках одно за другим обрывались, падали и исчезали среди хлама рядом с рассыхающимся компьютерным столом. Оголенные провода, искрясь, разрывались на куски. С потолка посыпалась штукатурка, а пол так стремительно дряхлел, что пару минут спустя выковырял из глубины себя невероятно гнилые доски, каких здесь просто не могло быть.

Леша растерялся. Мир, его личный, скрытый от любопытных глаз мир, рассыпался в прах. Секунда потрясения, и он бросился к выходу. Ухватился за отколотую ручку и толкнул дверь. Она со скрипом распахнулась, слетела с петель и рассыпалась в труху у ног.

Запустенье, вот оно! Мгновенно вспомнилась отважная Аня, что просила о помощи, а он не поверил, разозлился на нее за жестокие слова и на себя за мысли о смерти.

Задыхаясь от пыли, Леша метнулся на кухню, но разруха не отставала, захватывала и уничтожала комнату за комнатой. Обвалился потолок, но Леша успел отскочить, а когда добрался до входной двери, задергал защелку, пытаясь повернуть почерневший ключ, но ничего не вышло – замочная скважина за пару минут проржавела и намертво зажала плоскую железяку.

– Давай же! Давай! – заклинал он, мотая ручку в стороны. – Ну, давай же!

Вот только чудовищное разорение оказалось настолько стремительным, что добралось до Леша куда быстрее, чем он смог спастись. Даже одежда его так быстро истиралась и выцветала, что сомнений больше не осталось – время его на исходе. И тогда, заметавшись в прихожей, так и не открыв дверь ключом, заходясь кашлем от едкой взвеси, что повисла мглой, он ударил в замок ногой. Еще и еще бил.

– Ты права была, Аня! – прохрипел он. – Ты во всем была права!

Дверь все же сдалась под натиском хозяина – была выломана и отброшена на площадку. И Леша кинулся вперед, некстати вспомнив последние слова именно Ани: «Умрешь на одной из своих бесконечных лестниц в Запустень».

Ну и конечно, перед ним оказалась именно лестница. Он дернулся назад и даже успел остановиться перед первой ступенькой, но не устоял и соскользнул. Падая, он ухватился за потертые поручни – облезлая краска, ржавчина, грязь. Только у него в подъезде перила всегда был в безупречном состоянии... Он отчаялся – вокруг обшарпанные стены.

А секунду спустя разразился грохот, часть пролета под ногами провалилась в непроглядную тьму, и Лешу утащило следом. И хотя он сумел удержаться за остатки перил, выбраться из пропасти ему было не под силу. Да, он пытался, но сколько не цеплялся за перила, снова и снова соскальзывал.

«Мне жаль тебя», – неслись в голове слова Ани. – «Никто не придет».

Все правильно, ему не спастись самому, но ни кричать, ни просить о помощи он не стал. Да и зачем?.. Сам только что на улице по пути на остановку отказался от предложения незнакомой девчонки.

Он ведь и в самом деле предчувствовал, что лестницы скоро заберут его жизнь, но отмахивался. И даже теперь, продолжая хвататься за обломки поручня, зависнув над бездной, он не принимал смерть.

Но финал оказался закономерным: его пальцы поломало судорогой, он ошкуруил старую краску с железяки и сорвался с высоты.

Потом из ниоткуда объявилась короткая слепота, в секунду сменившееся беззвучьем с привкусом горечи и пыли.

Только не могло же все происходящее быть правдой?.. Могло, он просто верить не хотел.

Глава 4. Трафарет

Клубящаяся пыль не пропускала свет. Да и мог ли быть свет, там, где так невыносимо пахло гнилью – вряд ли. Вот оно, то самое дно жизни, о котором недавно пророчил Андрей Анатольевич – холодно, сыро. Умер?..

– Нет, не правда, – с трудом разлепив спекшиеся губы, просипел Леша.

Что ж, кажется, ситуация была не совсем безнадежной: Леша чувствовал – чувствовал жажду. Плохо, конечно, что почти ничего не видел, давился затхлым воздухом и дрожал от холода – одни только пальцы колотило так сильно, что, зарывшись в пыль, они исчезли из виду. Однако, очевидно, он был еще жив. Правда за свою ошибку – вовремя не прислушался к словам Ани – расплатился сполна: вероятнее всего, при падении переломал себе все, что только мог, скорее всего парализован, поэтому нет боли, и теперь точно не выберется из этого... но жив. Он вымученно улыбнулся, признавая, что даже не представляет, откуда именно не выберется.

Леша прекрасно понимал, к чему все идет. Он и раньше не питал особых иллюзий относительно своего будущего, а теперь оно и вовсе ему не виделось. Виделись лишь сожаления о том, как глупо прошла его жизнь: осмысленных планов и целей никогда не имел, ничем не увлекался и не выделялся среди других. Да и если уж честно, не особо этого и хотел. Быть как все, по шаблону, под копирку, казалось удобней, чем снова и снова выбиваться из однообразных себе же подобных людей. Проще, чем рваться вверх и каждый раз разочаровываться от очередного провала. Минимум возможностей-невозможностей – минимум боли. Жизнь его как трафарет – кто-то за него второпях нарисовал и раскрасил, а он кое-как прожил. Занавес.

– Лежит он, улыбается, – задорно заявил из полутьмы хриловатый мужской голос, и Леша вздрогнул. – С ним сейчас расправятся, а он глупо ощеряется. Настоящий Дефект, ну!

– Типичный Неадекват, – фыркнула рядом невидимая Леше девушка.

– Вот я и говорю, Дефект, – весело хмыкнул первый. – Вставай парень, нужно уходить, за тобой уже идут.

– Может, для начала Неадекват глаза откроет, – проворчала его спутница.

О сострадании, похоже, эти люди никогда не слышали. Потому что Лешу одним сильным толчком вдавили в пол и тут же подняли. Прострел, мгновенно пронзивший его поясницу, тоже состраданием не отличался: откинул под ребра и провалился валуном в живот – Леша чуть осел, изогнулся в бок и закричал. Но вопль его был миг заглушен чужой ладонью. А вот боль никто не заглушил, и она неуправляемой волной пронеслась сквозь тело, а секунду спустя погасла в голове и оставила опустошенность и слабость.

Его держали за плечи и зажимали рот, чтобы больше не вопил. Он же вместе с криком рвался выплеснуть наружу лому и постыдную немощь – только все зря. Обессилено выдохнув, он наконец открыл глаза и увидел... Аню.

Леше мерещилось будто он снова падает – падает в гнилую пыль, из которой еще раз он точно не встанет: голова кружилась, и перед глазами то и дело пускались в пляс черные пятна. Однако упасть ему предсказуемо не дали – потянули вверх. И Леша, чуть привыкнув к полумраку и оглядевшись, понял, что кроме Ани здесь еще двое: смазливый молодой человек и хорошенькая девушка. Оба в черных и слишком уж стильных для окружающей их разрухи костюмах. Само по себе это ничего не значило, но было любопытно. Для чего такая официальность в невероятно захламленном месте?

Однако любопытство ушло на второй план, стоило незнакомцу, добродушно улыбнувшись, закинуть руку Леша себе на плечо и поставить его на ноги. Потому что не первый план вышли именно Лешины непослушные ноги и игра с равновесием – искалась опора для обоих. Но Леша опоры не находил и, то и дело постанывая, клонился в сторону.

– Больно же, – разбито выдохнул он. – Можно тише?

– Тише? – возмутилась спутница стилиста. – Тише уже поздно, Неадекват! «Тише» не поможет теперь ни тебе, ни нам. Ты так орал, что перебудил, наверное, всех Пагуб в округе. Вариантов осталось два: или быстро, или никак.

– Почему меня так жестко ломает? – с трудом выдавил слова Леша. – Я цел вообще, или можно сразу в морг?

– Так никто и не говорил, что падать в Запустенье легко, – усмехнулся парень, что помогал ему стоять. – Ну а морг давай отсрочим. Смерть – зрелище захватывающее и эффектное, а не скучное и пыльное, как у тебя сейчас.

Его смазливость не осталась Лешей незамеченной. Черные безупречно уложенные волосы, темно-карие глаза, тонкий нос, белоснежная улыбка, совершенное симметричное лицо. Кассовый киноактер, не иначе. И даже большой лягушачий рот не выбивался из общей образцовости щеголя, делая его толи невероятным душкой, толи, напротив, исключительным проходимцем.

– Первый раз всегда так, – подбадривал он Лешу, ни на секунду не переставая сиять. – Дальше легче будет. Или не будет. Тут как повезет.

– Привыкай Дефект, падать в Запустенье и в самом деле непросто, – объяснила Аня и неожиданно толчком вдавила свою ладонь Леше в грудь. – И к неуместным шуткам Ильи тоже привыкай.

Поток горячего воздуха тотчас прогрел его чуть правее сердца. Он дернулся назад и всхлипнул, но там основательно держали, а увернуться или отклониться не смог от слабости. Нелепо завозившись в руках красавчика, он до безумия желал одного – немедленно попасть в одиночество и в собственное обычное «без боли», а вышло неуклюжее, жалкое копошение при свидетелях.

Между тем Леше от Аниного тепла заметно полегчало: задышал гораздо свободнее. Да и перед глазами прояснилось – чертово тоннельное зрение похоже отступило, прихватив с собой и двоение предметов.

Еще пара минут, и Леша смог стоять у ободранной стены без поддержки. Пальцы его, содранные в кровь, подрагивали, кружилась голова, и не мешало бы прилечь... но только не среди этой гадкой пыли. Здесь он вдоволь належа. Сколько прошло времени, и есть ли вообще время? И где находится это «здесь»? Есть ли оно на самом деле, или это только в его больном мозге? Что дальше и куда ему теперь? И надо ли хоть куда-то?..

Перед ним стояла Аня. Ее ладонь жалась к его груди. Она сосредоточенно смотрела ему в глаза и молчала. Может ждала от него чего-то? Вот только чего?..

– Почему ты пришла, Аня? – хрипло выдохнул Леша, когда она наконец убрала руку, а вместе с ней и доброе тепло. – Ты сказала, что никто не придет и не поможет мне больше... И ты не поможешь...

– Ну, сказала и сказала, – отозвалась Аня, осторожно поправляя на запястье ремешки небольшого фонарика. – Сначала обиделась, потом разозлилась на тебя. Дальше нервы сдали, и я всплыла. Сейчас немного отпустило. Но, знаешь, Леша...

– Девчонки, они народ противоречивый, – нараспев перебил ее парень в стильном черном пиджаке. Он улыбался или так смеялся, Леша не понимал. Ему самому так не до веселья было. А душка-парнишка не умолкал: – Им веры нет, Дефект. Сказала «нет», а оказалось «да». А когда «да», то это значит...

– Илья, замолчи уже, – недовольно буркнула его красивая спутница в коротком черном платье, поправив высокий хвост из темных волос на затылке. – Ты утомил меня, Илья.

– Прости, малыш, покорно умолкаю, – ощерившись, расшаркался Илья. – Так сказать, закрываю форточку.

Однако улыбка его мгновенно погасла, сменившись нешуточным испугом. Ведь чуть глубже во мраке странного «здесь» послышался нарастающий треск, который быстро перешел в оглушительный скрежет.

Леша крепко зажмурился и сдвинул уши руками, надеясь именно так спастись от лязга из темноты, но все зря – темнота оказалась сильнее, и лязг из нее с каждой секундой только крепчал.

– Илья! – зашипела Аня, тоже шурясь и потирая виски.

Лязг не прекращался, а только разрастался, становился глубоким и надрывистым.

– Ты что натворил, Илья! Ты Настю в активный страх втолкнул! Кто ее вытащит, кто поможет? Саша нет с нами! А ты...

– А я не хотел, Аня! – заметался в стороны Илья. – Я отвлекся. Исправим, Аня. Я сам...

– Илья, – растерялась Настя. – Ты что сделал, Илья?..

– Наська, прости, я забыл совсем, – виновато протянул он. И тут же засуетился: – Уходить надо, Дефекты!

Илья схватил Лешу за плечи, встряхнул его, приводя в чувства, развернул к тусклому свету из соседней комнаты и толкнул вперед.

– Быстро! Слышишь меня? Уходим!

Уходим и быстро в сознании Леша, оглушенного скрежетом в незнакомом пространстве, не складывалось в единое целое. Как именно в сумерках возможно что-то «быстро», тем более без малейшего промедления делать «уходим» Ильи? И главное, куда «уходим», когда вокруг надывается хрипом, пропитанный едкой пылью сам непроглядный мрак?

– Нам нужно окно! – спохватилась Аня и завертела головой, непонятно от чего при этом прикрыв Лешу собой. – Ищите окно! Настя, не оборачивайся!

Настя и не оборачивалась. Она перебежала взглядом с Ильи на Аню и обратно. Еще и еще. Досталось и Леше, всего один раз. И в горящих безумием глазах Насти, он встретил до боли знакомый безвыходный и непобедимый ужас.

Настя простонала сквозь сжатые зубы и бросилась к выходу. Она точно знала, что делала и зачем. И Илья знал, и Аня. Только один Леша не понимал, что происходит и, главное, где. Когда же он крутанулся на месте, чтобы хоть немного осмотреться, то так и замер, не в силах пошевелиться – он в просторной полутемной комнате с высоким потолком в плешинах плесени и стенами в растрескавшейся штукатурке. Сырой, тяжелый воздух, может, подвал. Позади дверной проем, только двери на месте не было. Как не было и тех самых искомых ребятами окон. Освещение отсутствовало, и тьму зала разбавлял только тусклый свет из соседнего помещения.

Тьма Лешу не беспокоила вовсе. Надрывный скрежет в правом углу – вот что сбивало с толку. Казалось, что железные прутья гнутся и скручиваются, но не выдерживают и ломаются, вдавливаясь друг в друга.

Терпеть этот звук, зажмуриваясь и закрываясь руками, не получалось. Больше пары секунд Леша не выдерживал, и опять оказывался среди непонятно от чего исходящего скрежета. Он снова и снова пытался объяснить себе происходящее, но оно не объяснялось.

Его рывками тянули назад, но он не двигался и потерянно смотрел туда, где широкий поперечный разлом из ниоткуда легко разорвал стену. Трещина побежала вверх и вниз, ломая панель на части. Рядом появилась вторая, потом третья и четвертая. Они расширялись, пока не соединились в квадрат, в котором секунду спустя проявилось... окно.

Старая в щербинах деревянная рама то и дело подрагивала в великоватом ей проеме в стене. Разбитое стекло звенело от порывов ветра с улицы. Подоконник крошился и осыпался на бетонный пол трухлявыми щепками.

Дневной свет, приглушенный похоже хмурым небом, в секунду заполнил помещение. А потом все звуки исчезли.

И форточка, вот что сразу перетянуло внимание оглушенного Леша – форточка с перекошенной створкой, с разводами грязи на стекле, висела на одной единственной проржавевшей петле и визгливо скрипела в пугающей тишине комнаты, которая секунду назад была без каких-либо окон вообще.

– Леша, уходим! – твердила рядом Аня, тряся его за плечи. – Ты слышишь меня, Леша!

Леша хорошо ее слышал, но не отрывал взгляда от кривой форточки. Что-то было во всей этой конструкции не так. Конечно, само появление окна посреди стены – это уже «что-то не так», но эта форточка словно манила к себе.

– Не смотри, Леша, умоляю, – будто издалека донесся голос Ани. – Это чужой страх!

Глава 5. Чужой страх

Чужой страх. Леша очнулся. Только чей? Сам он уж точно не боялся ничего из увиденного. Он обернулся – Настя с Ильей суетились у двери. Наверное, прошло ни больше минуты, а ему показалось, что ни меньше получаса. И только Аня стояла рядом.

– Иди ко мне, – внезапно пропел за спиной знакомый приглушенный женский голос. – Иди же ко мне, Алешенька...

Тот самый леденящий кровь ужас, что частенько в последнее время не давал покоя и отнимал рассудок, в секунду пронзил Лешу так основательно, что горло его оцепенело, и он поперхнулся. Не в силах унять дрожь в теле, он сжал Анину ладонь в своей, словно потерять ее боялся. Или, что это он потеряется.

А потом у выхода раздалась истерические рыдания Насти:

– Нет, нет! Не надо, ну, пожалуйста!

Оглянувшись, Леша замер – Илья зажимал девушке рот и все тащил ее в коридор. Но с Настей было не справиться. Она выворачивалась, брыкалась и кусалась, лупила парня по коленкам, била локтями под дых и при этом кричала. Взмокший Илья не отпустил Настю, а еще крепче скрутил. Плач ее мгновенно стих, и спустя минуту шаркающей возьми оба они скрылись из виду в соседней комнате.

Происходящее не поддавалось объяснению, и Леша вздрогнул, когда Аня, пятясь, потянула и его за собой к двери.

– Не смотри, – шептала она, бегая растерянным взглядом с лица Леши ему за плечо и обратно. – Только не смотри на нее, Леш.

– Иди ко мне, – протянул навязчивый мягкий голос. – Иди же, мальчик мой...

– А я и не хочу, – уронил Леша, так сильно сдавив ладонь девушки, что она ойкнула. – Я не...

Договорить он не успел, потому что, когда очередной мерзкий скрип резанул ухо, Аня резко шарахнулась назад, и Леша все-таки обернулся.

В таинственное окно по-прежнему лился хмурый свет, при этом форточку загородила странная тень. Которая, к немалому удивлению парня, не приглушая свет, не разбивая стекла, не круша раму, в считанные секунды проявилась внутри зала темной фигурой.

Леша задохнулся – на подоконнике стояла та самая проклятая дама в глухом черном платье. Лица ее было не разглядеть, как и всегда, однако плотно облегающая ткань вуали четко повторяла силуэт ее изящного тонкого носа и пухлых губ. Она плавно повела рукой и мягко склонила голову на бок, и мысли Леши, секунду назад бешено нагонявшие друг друга, замедлились, чувства притупились, испуг отступил, а сознание заволочло туманом.

Наверное, нужно сопротивляться... Или не нужно... Он уже не мог ни собраться, ни сосредоточиться. Да и зачем?.. В голове пусто, внутри невероятно спокойно. Так легко ему, кажется, никогда и не было, а хотелось именно этого. Он и не надеялся избавиться от стресса, нервоза и найти желанное равновесие с самим собой, а зря. Вот же оно все и сразу, только дотянись и коснись...

Женщина без лица, словно читая его мысли, грациозно поманила пальцем, тихо так, расслаблено, и Леша шагнул вперед. Ему хотелось этого, он стремился к ней. Пусть он хрипло дышал, лихорадочно подергиваясь, пусть сердце его рвалось наружу, круша грудную клетку изнутри и делая невыносимо больно, это его не останавливало. И только когда во рту нестерпимо пересохло и он облизнул губы, ему вдруг показалось, что на них лед. Не показалось – на губах действительно была наледь. Вместе с тем и ресницы его покрылись инеем и мешали нормально видеть. А пальцы рук мало того, что неконтролируемо тряслись, так еще и стремительно обрастали выпуклыми морозными узорами.

Осознав, наконец, что добровольно идет в руки к смерти, Леша, конечно, рванул к двери, но спастись не сумел. Ведь дама без лица тотчас настигла его, и одним точным ударом ладони между лопаток словно проморозила насквозь, лишив и дыхания, и зрения одновременно.

Но это было еще не все – ведь в ту же точку на спине, куда только что прицельно саданула проклятая тетка, будто вогнали раскаленный металлический штырь, и Леша жадно задышал. При этом он обессиленно опустился сначала на колени, по-прежнему почти ничего не видя. А после, обхватив руками горящий от боли живот, завалился на бок и принялся жалко сучить ногами, не в силах терпеть острую резь внутри себя. И только когда его голову за подбородок задрали вверх, в расплывающейся перед глазами реальности, он наконец различил неясные черты Ани. В ее руке светился и источал пар небольшой фонарик.

– Прости, Леша, так нужно, – успокаивала она парня, примеряясь ладонью с приборчиком еще и к его лбу. – Потерпи немного, сейчас оттаешь. Ты справишься.

И он справился. Да, сперва содрогнулся, ожидая полного испепеления себя живым неким дьявольским фонариком. Но когда вместо ожогов и волдырей пришло мягкое тепло, которое мгновенно проникло в него через переносицу и понеслось по всему телу, придавая хоть немного сил, справился и даже смог подняться. Ну, ладно, это, конечно, громко сказано – без Ани ничего бы он не смог. Ведь не успел он толком и в себя прийти, как именно Аня поставила его на ноги и потащила прочь из комнаты, прочь от странного окна.

– Только не оборачивайся, Леша! Я прошу тебя, только не смотри! – повторяла Аня, прорываясь к выходу. – Только не слушай!

Тепло, такое приятное и спокойное, теперь лилось в его ладонь. И он, разумеется, спешил за Аней, но то и дело спотыкался, зарывался мысками кроссовок в кучи битых кирпичей. Дважды падал, сдирая в кровь колени и руки. Глухо стонал, когда возился на полу, загребая ладонями хлам, когда не мог встать и идти дальше, когда выворачивало ледяной водой. Аня снова поднимала его – как у нее это получалось, не понимал, – и снова тянула за собой.

И трещины, эти проклятые трещины – их становилось больше на стенах. Они не отставали, быстро настигали и, угрожающе хрипя, готовились испещрить собой и Дефектов тоже.

А вот и проем без двери – добрались. Леша обессилено уперся в массивный косяк, но вскрикнул и отшатнулся в сторону – пальцы покрылись коркой льда. Когда же над ним послышался треск, на макушку посыпались щепки, сквозь сколы в досках просочились сизые пылевые облака, а остатки косяка расщепились, балки его рассохлись, перекошились и поползли вниз, Леша рванул к Ане и вытолкнул ее в коридор, но сам выскочить следом не успел.

– Нет! – бросилась было к нему Аня. – Леша...

Над собой он видел деревянные конструкции и пыль, что забивалась в глаза. Он сгорбился и закрыл голову руками. Сердце рвалось наружу, хрипя в горле: «Беги же, глупец, беги!» Но глупцу не ускользнуть из собственного тела – ведь свободы от себя просто не существует. Наверное, нужно бы закричать или покрепче выругаться, как делают другие, когда попадают в... смешно, он по-прежнему не знал, куда попал. Но он не выдавил из себя ни слова. Только знак вспомнил, что видел на раме – разорванный черный круг. А потом слепота и беззвучье поглотили его, – короткая слепота и такое же беззвучье, – и вышвырнули из себя так же легко, как втянули, и в ладони его впились занозы.

Леша все же выругался, и весьма крепко. Ну а как тут не выругаешься, когда ты уже простился жизнью... но жив. И не просто жив, а неестественно скорчившись, сидишь на подоконнике старого окна в тускло освещенном узком коридоре и хватаешь ртом воздух так отчаянно и жадно, будто умирающая рыба. Еще его знобило как в лихорадке, однако он не оставлял попыток сползти вниз и нащупать пол ватными ногами. Трещин ни на облупившихся стенах, ни на линялом потолке здесь не нашлось. Зато нашлись Илья и Настя – они ошарашенными застыли прямо напротив него. Девушка больше не рыдала. Трясущейся рукой она указывала на Лешу и все повторяла:

– Переход, Илья... Этот парень – Переход...

– Прыгайте, Илья! – возглас Ани за спинами ребят привел их в чувства.

Оказалось, что к ним от той двери, которая только что рухнула на Лешу, мчалась именно Аня. Доски косяка, взвалившись друг на друга, перекрыли вход в комнату с форточкой и обрушили часть стены, оголив искрящие электрические провода. Однако Леша был не под грудой обломков, а приходил в себя в дальнем конце коридора. Он бегло осмотрел себя, ощупал, – крови нет, вроде цел. Только в пыли весь, наглотался ее, надыхался, в опилках, щепках. Живой – он уткнулся носом в дрожащие ладони, часто дышал в них, тепло чувствовал и не верил, что все правда. Кричать хотел от безумия, что творилось вокруг, а сам молчал.

– Илья, прыгайте! – просила Аня. – Прыгайте же!

Она неслась, что было силы, а сеть тех самых приставучих трещин настигала ее по ободраным стенам, плинтусам, карнизам.

– А как же вы, Ань? – засомневался Илья, уже подсадив зареванную Настю на подоконник. Потом и сам запрыгнул, встал рядом с девушкой, приобнял ее за плечи. – Не успеете!

– Прыгайте, Илья! – стояла на своем Аня. – Мы следом!

Илья положил руку Насти на тот разорванный круг, что Леша не раз видел, сверху свою, и с силой вдавил обе их руки в раму – они вместе шагнули в никуда.

– Наша очередь! – запыхалась Аня, вскочила на подоконник и указала на место рядом с собой. – Давай же!

– Нет, – отказался Леша, отступая на шаг. – Я не хочу умирать, Ань...

– Леша, – просила она, сверля его уставшим взглядом. – Прыгай, Леша! Я прошу тебя. Я без тебя не уйду.

За спиной раздался скрежет, и он, ссутулившись, оглянулся. Оказалось, это косяк двери, заваливший выход из той странной комнаты, рассыпался в прах. С потолка полетели увесистые куски штукатурки. Бетонный пол вмиг постарел, обнажил гнилые доски и черную пропасть в щелях под ними.

– Иди ко мне, Алешенька, – вновь позвал бесчувственный голос. – Иди же...

Последние слова женщины без лица пропали среди очередной волны треска, и правая нога Леша провалилась в разлом в полу. Ухватившись за край подоконника, он рванул вверх. Тащил и тащил себя, скребя пальцами по доскам, забивая под ногти еще больше заноз, и выл от личного безумия. Только усилия его были бесполезны – соскальзывая, он глубже уходил в бездну.

Ну, теперь точно занавес, и на этот раз ему не спастись. И вот он страшно погибает, и не думая просить о спасении...

Просить... Ну почему он не может просто взять и попросить о помощи, когда она ему так нужна? Да что же не так с ним?.. Все не так! Весь он и есть одно огромное одержимое тревогами «не так»! И вот только тогда, вспыхнув злостью к самому себе слабому и безличному, он наконец закричал:

– Помоги мне, Аня, пожалуйста! Не бросай меня здесь!

Аня и не бросала. Она изо всех сил потащила его на себя за одежду, стоя на самом краю козырька – почти на улице.

Нет, Леша не сдался на этот раз. Он продолжал дергать застрявшую в досках ногу. А когда высвободился, вскочил на подоконник и уцепился за край рамы, однако потерял равновесие, пошатнулся и, размахивая другой рукой, случайно вытолкнул Аню наружу.

Ее испуганные глаза – это последнее, что видел он, прежде чем без раздумий бросился вперед, растерял остатки страха, забыл об осторожности, перехватил девушку за талию и втянул обратно. Но подошвы его кроссовок подвели – поехали вперед, он ударился спиной об откос, а потом они вместе с Аней соскользнули вниз.

Новая короткая слепота принесла с собой жесткий удар спиной о пол, а боль в пораненном еще утром плече так сильно отстрелила под лопатку, что Леша чуть изогнулся вверх на протяжном стоне, и только потом открыл глаза. Свет вмиг ослепил. Но минуту спустя зрение вернулось, и он увидел, что рядом замерла Аня. Она поджала ноги к груди и тихо всхлипывала. Он по-прежнему держал ее за талию, а сам корчился от прострела еще и в пояснице. Собравшись с силами, он придвинулся ближе, крепче обнял ее и притянул к себе. Аня прижалась к нему в ответ, уткнулась носом ему в грудь и разрыдалась.

– Говорил же я тебе, не зарекайся, Алешенька, а ты не поверил, – раздался над ним знакомый голос, а секунду спустя появился и его обладатель.

Первая мысль после увиденного поразила Лешу настолько, что он внутренне похолодел, выпуская из объятий Аню, – это же он сам, только старше, нет, старее. Он зажмурился, прячась в темноте от нового витка помешательства. Потом пригляделся внимательнее и словно ото сна очнулся – нет, это не он сам, это хуже, чем худшее из возможного. Над ним нависал самый что ни на есть истинный подвал жизни – тот самый Андрей Анатольевич.

Андрей за плечи уткнул Лешу в пол и пощелкал пальцами перед его глазами:

– Живой, Алешенька?

Леша замер, узнав в чисто выбритом, стильно подстриженном, а главное, трезвом человеке перед собой оборванца-дворника из своего двора. Да, похоже, Леша все же сошел с ума, а это – психушка. Хотя, какая теперь разница.

Ну а потом, не отрывая взгляда от Андрея, Леша тихо засмеялся. Дальше громче, и громче, еще громче и раскатистей, пока смех его не перешел в истерический хохот. И он уже не смог остановиться, да и не захотел.

– Главное, что живой, – улыбнувшись уголками губ, выдохнул Андрей.

– Я же говорил, что ты, парень, Дефект! – довольно хмыкнул Илья, появившись из ниоткуда таким же неотразимым денди, каким запомнился и до выхода в окно.

Он присел рядом с Лешей и протянул руку, чтобы помочь встать, тот ухватился и пусть и с трудом, но поднялся. Настя тоже была тут, она стояла на коленях рядом с Аней и помогала ей прийти в себя, отпаивая горячим чаем и кутая в пушистый плед.

– Дефекты они такие, – продолжил Илья. – Им веры нет. То вопят от испуга, то закатываются от смеха как сумасшедшие.

– Молодец, Неадекват, – срывающимся голосом подбодрила его и Настя. – Ты справился с чужим страхом. Значит, и свой однажды победишь. Что ж, Лешка, мы рады, что ты теперь с нами. Добро пожаловать в Порядок!

Глава 6. Не хочу помогать

Истерический хохот отступил полчаса назад, оставив головную боль и озноб. Смешно Леше больше не было – было пусто внутри. Он, насупившись, сидел на полу в уютной комнате обычной городской квартиры, упираясь затылком в стену. Ему, конечно, не мешало бы для начала согреться, только здесь даже обычного одеяла не нашлось. Так и приходил в себя без тепла, то и дело судорожно подергиваясь от накатывающего озноба, пока перед глазами не мелькнула белая кружка, источающая терпкий аромат свежесваренного черного чая.

Зябко поведя плечами, Леша поднял голову – перед ним стояла Аня. Она то как раз уже согрелась. И даже переделалась в чистое: была в свободной черной толстовке на молнии с капюшоном и в черных узких брюках с манжетами. В одной руке держала кружку, другой поправляла волосы. Стройная и симпатичная, пожалуй, все. Слегка вздернутый аккуратный нос, светлое каре, тонкие, почти бесцветные брови и ресницы, бледная едва не прозрачная кожа. Встреть он ее в каком другом месте, прошел мимо и внимания бы не обратил – обычная, ничем не выделялась, не за что глазу зацепиться. И если он больше ее не увидит, то, скорее всего, забудет, как выглядела за неделю. Как все.

Да о чем это он, сам тоже особо выразительной внешностью не отличался. Темно-русые непослушные волосы, почти прямые пепельные брови, серые глаза, острый подбородок. Зато своим чуть выдающимся носом – именно чуть – перешеголял бы, пожалуй, всех здесь присутствующих. Хотя, нет, не всех, тут первенство несомненно принадлежало Андрею.

– Выпей чаю, Леша, – приветливо улыбнувшись, предложила Аня и протянула ему кружку. – Согреешься, и Запустенье отпустит. Вначале всегда так, а дальше привыкнешь.

– Ешь, Неадекват, – буркнула Настя, присаживаясь рядом и ставя тарелку с бутербродами прямо на пол.

Изящная, яркая и красивая Настя вмиг взбодрила Лешу одним своим присутствием – темные длинные волосы, глубокие карие, почти черные глаза, пушистые невесомые ресницы, тонкие черты лица, точеная фигура. Вот оно, то, что Леша уж точно бы не пропустил – девушка в истинном значении этого слова. Очаровательная, притягательная и манящая...

Да что с ним такое сегодня?! Какая разница, как они все выглядят?!

– Вход в Запустенье и выход из него требуют много сил, – продолжила Настя и смерила его оценивающим взглядом. – Не будет сил – не выберешься. Не выберешься – тебя поглотит Запустенье. Это холодно, страшно и больно. Это очень больно...

В темных глазах Насти блеснули слезы, она часто заморгала, не давая им вырваться наружу, и посмотрела на Аню, но та промолчала, вжавшись спиной в стену, и потупилась, словно чай рассматривала.

– Я туда больше не собираюсь, – хрипло отозвался Леша, нарушив повисшую в гостиной тишину. Он отхлебнул из кружки, но обжегся и дернулся назад. Больно ухнувшись затылком о стену, он обиженно выдохнул: – И привыкать не собираюсь. И слушать вас тоже больше не буду.

– Но... – взволнованно начала Аня.

Только Леша не дал ей договорить.

– Я уйти хочу, Ань, – заявил он. – Могу я уйти? Или нет?

– Можешь, – пожав плечами, ответила она. – Домой пойдешь?

– Куда домой? – процедил парень и резко встал. Мир вокруг мгновенно понесся по кругу, но Леша, крепко зажмурившись, устоял и тут же жестче высказался: – Нет моего дома больше! Понимаешь, Аня, его нет!

– Твой дом есть, – сдержанно заявил за его плечом Андрей.

Леша обернулся, сверля хмурым взглядом слишком необычного для себя соседа. Как ни странно, от привычного стиля бродяги в Андрее не осталось ничего. Образ оборванца-двор-

ника неожиданно сменился странной идеальностью, которая теперь, вроде как и беспричинно, все же бесила парня. Шикарная выглаженная черная рубашка и брюки, лакированные туфли, модная кожаная сумка через плечо, в которой, при желании, уместить ноутбук. Все новое. Хотя... черные кожаные перчатки остались прежними.

– Серьезно? – насутился Леша и тут же набросился на мнимого бродягу с обвинениями: – Мой дом уничтожен этой вашей... непонятно чем! Из-за вас...

– Хватит! – внезапно воскликнул Андрей и впечатал ладонью в косяк двери.

Настя, сидевшая на полу, вздрогнула, осторожно поставила кружку на поднос с нетронутыми бутербродами и замерла.

– Истерику прекратил немедленно! – распалился Андрей. – Твой дом в порядке! И из-за нас ничего не произошло. Это ты и только ты сам попадаешь в Запустенье. Мы здесь ни при чем. Ты сам себя отправляешь в...

– Вот, значит, как, – сердито пропыхтел парень. Он вплотную подошел к Андрею, чтобы уж наверняка убедить его своими доводами и настоял: – А тот факт, что я сам видел, как «это» расплозлось и рушило мою квартиру изнутри, конечно же, не в счет, так?

– Это была весьма правдоподобная иллюзия, не больше. Ты стал участником, скажем так... нестандартного скачка в Запустенье, – отстранено объяснил Андрей. – И да, ты, видимо, и правда Переход.

– Что? – озадачился Леша.

– Скачок в Запустенье, – развел руками лже-дворник, наигранно тепло улыбнувшись. – Я точно не знаю как, но ты без всяких знаков попадаешь туда. Такого раньше я не встречал. Саша предполагает, что ты особое явление – Переход, и...

– ...И достаточно на сегодня, – отмахнулся парень. – Я ухожу. И раз вы утверждаете, что мой дом цел, я немедленно возвращаюсь именно туда!

Круто развернувшись, он поставил кружку с недопитым чаем на махровый край ковра у ног Андрея и зашагал к прихожей.

– Подожди, Леша! Ты не можешь вот так взять и уйти, – запротестовала Аня. – Не можешь нас бросить.

Вскочив, она кинулась за ним, ухватила за запястье и потянула обратно.

– Могу, Аня, – процедил он и нервным рывком высвободился из рук девушки. – И уйду. И брошу. Как мне выйти отсюда?

– Может, хотя бы выслушаешь? – терпеливо предложил Андрей. – Тебя, Леша, все это тоже касается.

Скрестив руки на груди, сосед стоял у светлой стены и равнодушно глядел на Лешу. Похоже, на самом деле ему было все равно, останется одержимый парнишка с ними или нет. Хотя, если подумать, то чем он сам лучше? Аня просила помочь, пришла и спасла его там, где никто бы не смог, а он? А он всеми силами вырывался из чужих сложностей.

Однако, если бы не ее брат и необходимость срочно вытащить его из непонятно откуда с обязательным участием именно Лешы, явилась бы Аня на помощь? Стала бы рисковать? Это еще вопрос.

– Как уйти? – настаивал он, отгоняя прочь сомнения в неправильности решения. – Выход где?

Андрей небрежно махнул рукой в сторону окна – на белой раме виднелся символ разорванного круга. И похоже Леша уже почти разобрался, как это работает. Он решительно шагнул вперед, и тут же услышал за спиной дрогнувший голос Ани:

– Значит, не сможешь, так?

– Чем я могу помочь, Аня? – еле сдерживая нетерпение, пропыхтел он и обернулся. – Я даже не понимаю, что со мной происходит, где я и с кем. Не знаю Сашу и...

Пришлось остановить себя и замолчать, что далось ему нелегко. Все потому, что Аня как-то уж совсем расстроилась, поджала губы, глаза ее вмиг стали воспаленными, и Леше показалась – она вот-вот разревется. Но нет, девчонка упрямо молчала и сильнее впивалась пальцами в пузатую кружку.

– И самое главное, не хочу, – внезапно признался он. – Я не хочу, слышите, не хочу никому помогать.

– Но почему, Леша? – растерялась Аня. – Ты же не один будешь. Мы вместе...

– Пусть уходит, – неожиданно перебил ее Андрей и отвернулся к проему двери, ведущему в узкий коридор.

Он больше не смотрел на Лешу и не кривился фальшивой улыбкой. Принявшись увлеченно рассматривать собственные руки в кожаных перчатках, он словно сразу потерял интерес к происходящему вокруг. А пару секунд спустя все же одарил присутствующих равнодушным взглядом и добавил:

– Аня, покажи гостю как правильно выйти. Лучше проводи, чтобы не утянуло куда случайно.

– Но Саша тогда уже точно не выйдет, – тихо отозвалась Аня, глядя только на Андрея. Тот не откликнулся. И она повернулась к Леше. – Он умрет, понимаешь? Там же, где и ты только что заблудился! Ты хотел бы там остаться, покрыться слоем пыли и быть похороненным заживо среди гор мусора, грязи и холода? Ответь?

– Нет, не хотел бы, – нахмурился Леша.

Держаться из последних сил и не смотреть на Аню было нелегко, но пока возможно. А вот не размышлять ни о своей, ни о чужой смерти, да еще и в том жутком месте, не получалось совсем. Лешу озноб пробрал. Он потупился и ссутулился.

– Саша замерзнет и никогда не отгадет, – продолжила она. – Никогда не вернется. А ты можешь помочь найти его, и...

– Ну, хватит! – не дал договорить ей Леша. – Остановись, Аня, пожалуйста. Спасибо, что не бросила и помогла мне выбраться из того проклятого места. Но на этом давай закроем тему.

Думать о том, поступает он правильно или нет, не хотелось. Да и где это самое его личное «правильно»? Нет, и не было никогда, не стремился, не пробовал, не хотел. Да и сейчас не хочет. Тогда, что его здесь держит? Ничего...

Нервы сдавали, Леша суетливо сжимал и разжимал пальцы в кулак, то и дело заламывая себе кисть левой руки. Суставы хрустели. Сам себя снова калечил, рвался на части и внутри, и снаружи. Самоповреждения, будь они не ладны, могли случиться в любую секунду. Да еще и при свидетелях, чего он допустить никак не мог.

– Прекрати уже давить на меня, будь добра! – не сдержался и все же вспылал он. – Все вы прекратите!

– Ух ты! У Дефекта вспышка гнева, – в дверях показался Илья.

Дружеское чаепитие на полу в пустой комнате он почему-то пропустил, а вот теперь явился. Черные волосы его оказались взъерошены и странно примяты с левой стороны, словно он только что встал с постели, а темные глаза горели таким азартом, что, казалось, обжигали. Еще он легко улыбался, что казалось Леше неуместным и глупым, особенно, если учесть, что один из его друзей – Саша – мог вот-вот погибнуть или уже был мертв.

– Да, Дефекты, они такие, – ухмыльнулся Илья. – Чуть что не так – истерика.

– Илья, замолчи уже, – фыркнула Настя, по-прежнему сидя у стены и глядя на него снизу вверх. – Ты утомил меня своей болтовней. И не только меня.

– Прости, малыш, покорно умолкаю. Так сказать, закрываю...

Но договорить местный денди не успел – Леша в пару шагов оказался рядом, ухватил его за ворот черной рубашки, толкнул в угол и прошипел:

– Ты, что, Илюшенька, специально это делаешь? Тебе прошлого раза с форточкой мало?

– Спокойно, мальчик, – приснул красавчик и ослабился. Потом неспешно отодвинул парня в сторону, выскользнул из его рук и уточнил: – Здесь Порядок. Здесь не повторится.

– Что еще за порядок такой? Мы в квартире находимся, так? – запутался Леша. – Или нет?

– Ничего тебе в этой квартире странным не кажется? – вдруг оживился Андрей, обежав комнату взглядом. – Осмотрись внимательнее.

Глубоко вздохнув и успокоив свой внезапный порыв возмущения, Леша огляделся. Просторные апартаменты, стены в светлых бежевых тонах, многоуровневый потолок нежного голубоватого оттенка со встроенными точечными светильниками. Справа широкое окно в белом пластике, обрамленное темно-синими жалюзи. Напротив Леша балконный блок, в той же расцветке. Теплый пол, совсем новые плинтуса вдоль стен. Мебель здесь отсутствовала, за исключением пяти ярких синих кресел-мешков, что теснились дружной кучкой у окна. И все.

– Нет. Обычная новостройка, – отозвался он, отходя на пару шагов от Ильи. – Здесь ничего нет. Здесь вроде как пусто, но при этом вполне уютно. Идеальный порядок в пустоте, скажем так.

– В точку! – радостно воскликнул Илья, идиотски подпрыгнув на месте. – Уют – это и есть Порядок.

– Хорошо, – успокаиваясь, выдохнул Леша. – Допустим. Тогда, где мы были до этого?

– Запустенье, – мрачно отозвалась Настя.

Она поднялась, в пару легких шагов оказалась у окна и присела на край подоконника.

– Я не понимаю, – закрывшись ладонями, простонал Леша.

– Порядок, – на распев протянул Андрей. – Что есть Порядок, Алешенька?

– Не называйте меня так, – запротестовал он. – Я – Алексей.

– Верно! – воскликнул Илья и, просияв новой шикарной улыбкой, крутанулся на месте.

– Алексей – это имя, а Алеша – судьба.

– Ты, Илюша, замолчи, будь добр, – шурясь, отпустил в его сторону Леша. – У меня, знаешь ли, помешательство с детства. И совсем не тихое. Злить не советую.

– Без шума, мальчик, – гордо вскинув подбородок, хмыкнул Илья. – Все уедем.

– Ты уже, – фыркнул Леша. – По тебе видно, что ты давно уехал. Все вы здесь уехали.

– Порядок по сути своей – есть сгусток чистой созидательной энергии, – многозначительно подняв указательный палец вверх, произнес Андрей, чем мгновенно перетянул внимание всех присутствующих на себя. – Прародитель, так сказать, всего, что нас окружает хорошего, светлого, доброго. В Порядке, Леша, возникает мысль, мечта, идея и сама жизнь. Но Порядок существует только в балансе с Запустеньем. А вот Запустенье... Запустенью, как такому, зачастую и делать ничего не приходится. Люди сами его впускают, и незаметно для себя же достигают дна жизни. А потом погружают в Запустенье все, а порой и всех, кто их окружает. Ну а наш личный с ребятами Порядок перед тобой – эта потаенная квартира в обычной жилой многоэтажке – что-то вроде перевала между Запустеньем и обычным миром. Из Запустенья мы выходим именно сюда. И уже отсюда и только через символ на окне можно попасть и к себе домой.

– Ну вам ли, Андрей Анатольевич, не знать, что такое дно жизни, – издевательски поддел Леша, зацепившись в монологе Андрея за знакомое не понаслышке «дно». – Вы в этом деле профи.

– Я не профи. Я – исследователь, – наставнически объяснил Андрей.

– Чего именно? – рассмеялся Леша. – Нищеты и пьянства?

– Я изучаю Запустенье изнутри, – поучительно произнес Андрей. – Это позволяет разобраться с причинами его появления в жизни и влиянием на человека в целом.

– О, да вы философ! А так и не скажешь! – насмешливо восхитился парень. – Особенно, когда вы наклоняетесь и во дворе валяетесь. Это и есть ваша научная работа, труды всей жизни, серьезно? Аплодирую стоя.

– Ты уйти хотел, – отрезал Андрей и кивнул в сторону балкона. – Выход всегда рядом. Окно. Только дотянись.

– Теперь не хочу, – пожал плечами Леша. Он встретился взглядом с Аней. Она буравила его холодным презрением и молчала, а он больше нет: – А расскажите тогда, Андрей Анатолевич, что такое Дефект?

– Кто, – поправил Андрей.

– Что значит «кто»? – не понял парень.

– Дефект Порядка – это особое состояние человека. А название для него придумал я, – добродушно улыбнувшись, удивил Андрей. – Нужно было дать некое понятие открытому мной неизвестному явлению.

– Что я здесь делаю?.. – на одном дыхании выпалил Леша.

Сдержаться от издевательского смешка далось Леше нелегко. Подумать только, Андрей придумал название неизвестно чему. Скорее всего в горячке очередного запоя. Или он и сегодня там, и глупца Лешу туда же тянет. Бежать бы глупцу от этой сомнительной компании, однако он остался.

– Я схожу с ума, – прыснул Леша. – Я уже сошел.

– Дефект Порядка возникает в минуту рождения самого безобидного, на первый взгляд, страха, – прояснил Андрей.

Леша в ответ шмыгнул носом и, устало, растер лоб. Все указывало на то, что присутствующие в комнате и в самом деле давно уехали – причем далеко и безвозвратно. Да, история их, надо сказать, получалась любопытная, но при этом невероятно запутанная.

– Что-то или кто-то доводит человека до приступа панического страха, который растет внутри него, развивается, становится хроническим, а потом снова и снова накрывает и поглощает его сознание. Возникает провал в созидании Порядка, возникает Дефект, – увлеченно продолжал свой рассказ Андрей. – Ты частенько паникуешь, и в такие минуты тебя поглощает страх – ты Дефект. Чего боишься именно ты, Леша? Страх же есть в твоём сознании? Просто признай это для начала.

– Хорошо, – согласился Леша. – Допустим. Я боюсь лестниц. Причина?

– Сложно сказать, – размышлял Андрей. – Что-то из детства или необязательно. Разочарование, предательство, смерть. Что-то страшное произошло именно на лестнице. Случилось то, чему ты стал свидетелем, либо участником, что и создало провал внутри тебя. И вот ты не находишь себе места и сначала медленно погружаешься в уныние. Уныние – первый признак Запустения.

– Но я ничего такого не помню, – засомневался Леша.

– Со временем вспомнишь, – уклончиво ответил Андрей.

– Но... – Леша на секунду осекся, потом прошел ближе к окну и сел на подоконник рядом с Настей. – Как же тогда я попадаю в это самое Запустенье? И почему именно я?

– Не знаю точно, – замялся Андрей. – Нужно вникать в суть проблемы. Это займет время. Если есть желание, то оставайся у нас ненадолго, и мы поможем тебе во всем разобраться. Или и в самом деле иди домой, возможно, что наедине с собой ты докопаешься до истины даже быстрее, после всего, что узнал сегодня. Но учти – это опасно, потому что ты не управляешь собственной вменяемостью. Ты не управляешь тревожностью. Пагубы чуют твой страх и приходят за тобой.

– Пагубы – это кто? – тарабанил пальцами по пластику, поинтересовался Леша.

– Пагубы – это плотная субстанция из страха. Они питаются другими более слабыми страхами, – важно, но, наконец, без противной улыбочки, выдал молчавший все это время

Илья. – Дефект – нескончаемоеместилище паники и тревог. Каждый убитый Дефект для этих существ источник силы и самой жизни. Ускоряя запустенья для выбранной жертвы, Пагубы доводят ее страхом до помешательства. Они без особых усилий проецируют любую твою фобию в реальность, и ты видишь наяву то, чего боишься больше всего. В эту минуту ты беззащитен, не способен сопротивляться, и вот Пагубы забирают твою жизнь, оставляя взамен лед и пыль. Выглядит такая смерть настолько жутко, что после увиденного человек, наблюдавший расправу со стороны, никогда не будет прежним. Если вообще сможет со всем этим дальше жить.

– Но при чем здесь я? – уронил Леша, снова заламывая себе руки. – И что мне со всем этим теперь делать? Мне не спастись, да?

– В общем-то, Дефект способен и даже обязан победить собственные страхи, в идеале используя все то же Запустенье, – буркнул Андрей, поправляя перчатки. – А Пагубы, если уж честно, появляются там не так и часто. Однако стоит учесть, что за последние два года они убили Дефектов больше, чем за предыдущие двадцать лет. Каждый из вас в опасности.

– Почему же? – задумчиво произнес Леша.

Как поступить? Как правильно, как не ошибиться? Помочь или нет? Хотя, что он теряет – ничего. Аня больше на него не смотрела и ни о чем не просила. Она сидела у стены, накинув на голову капюшон толстовки, – спрятала бледное лицо и светлые волосы, да и себя тоже, – отхлебывала давно остывший чай и молчала.

– Кто-то впускает их, – раздался рядом голос Андрея, и Леша вырвался из путаницы мыслей и вздрогнул. – Ненамеренно или намеренно – выяснить пока не удалось. Однако виновником этому без сомнения является кто-то из Дефектов.

– Я? – озадачился Леша.

– Нет, не ты точно, – покачал головой Андрей, глядя мимо него.

– Уже лучше, – с облегчением выдохнул он. – Хоть немного хорошего в этом вашем... Порядке. От меня что нужно?

– Помоги Сашу найти, а мы поможем тебе излечиться от страхов, – мгновенно оживился Андрей, изобразив подобие улыбки. Вышло не убедительно. – Вернее, это сделает Саша – он умеет подбирать нужный ключ к любой фобии. А сейчас, понимаешь, так вышло, что он застрял в Запустенье, и самостоятельно ему не выбраться. Можно, конечно, и Илью девчонками отправить на эти рискованные поиски. Но если все-таки и ты к нам присоединишься, то вероятность спасения Саши станет намного выше. Согласен?

– Какой-то бред, – пропыхтел Леша и взъерошил волосы.

На самом деле он уже принял решение, но при этом сомневался. Что ему терять, кроме собственных страхов? Нечего. Тогда, что же его останавливает? Страх. Замкнутый круг. Пришла пора выбираться из собственных страхов, или для него точно скоро настанет «завес». Да, он поступит правильно, хотя бы раз в жизни выйдет из зоны собственного равнодушия и отчужденности и изменится. Ну, наверное...

– Ты ведь все чаще и чаще в последнее время о смерти думаешь, верно, Лешка? – невесело заключила Настя, осторожно погладив его по плечу.

– Верно, – устало выдохнул он и смерил девушку напряженным взглядом.

Отпираться дальше не имело смысла – размышления о скорой смерти действительно не давали ему покоя. Он не боялся ее, нет – он о ней неконтролируемо постоянно думал. Еще думал о собственной жизни и понимал, что все вокруг пустое. Ведь он почти не помнил себя в детстве, не представлял в будущем, да и в настоящем не находил места: и в самом деле он какой-то дефектный, не иначе.

– Так ты чувствуешь Запустенье, Лешка. Точно тебе говорю. Оно могильным холодом дышит тебе в спину, – предостерегла Настя и спрыгнула с подоконника. – Сопротивляйся.

– Как? – буркнул он.

И тут же встретился взглядом с Аней.

– Тебе нужна причина страха, – утвердил Андрей. – Тебе нужен Саша. Он нужен нам всем.

– Так что именно нужно делать-то? – внезапно решительно заявил Леша.

Как и следовало ожидать, Аня мгновенно оживилась. Вскочив на ноги, она в два шага оказалась рядом с Андреем и замерла рядом с ним, настороженно наблюдая за Лешей.

– Идти в Запустенья, найти Сашу и вернуть его в Порядок, – разложил по полочкам краткий план действий Андрей.

Звучало легко, словно пальцами щелкнуть, и все само собой разрешилось бы без усилий. Всего и требовалось идти, найти и вернуть. И нестрашно. Но что ждало в реальности или... где они там окажутся? И Андрей так и не произнес главного – нужно выжить в Запустенья, не остаться погребенными среди разрухи и мусора, выйти, вернуться.

– Я запутался, – пробормотал Леша. – Я окончательно спятил. Признаюсь, ребята, я – псих.

– Иногда Дефекты так заканчивают, – ухмыляясь, ввернул Илья. – В психушке. Бывали случаи...

– Илюшенька, замолчи уже! – перебил его Леша, недобро сощурившись. – Или я за себя не отвечаю.

– Покорно умолкаю, – закатив глаза и воздев руки к потолку, выдохнул Илья.

– Ты мне не нравишься, парень. И шутки твои не смешные, – процедил Леша. И тут же обернулся к Андрею. – Как думаете, сколько Саша еще продержится?

– Не знаю, – покачал головой он. – Без воды, думаю, сутки, не больше.

– А искать-то где менно? – нервно подернув плечами, продолжил Леша. Его то и дело потряхивало, словно приближался очередной приступ безумия, но пока он держался.

– Мы примерно знаем где, – неуверенно начала Аня. – Только идти нужно всем вместе, так безопаснее. Четверо войдем, пятеро выйдем. Должны... пятеро выйти.

Аня, грустно улыбнувшись, обвела взглядом Настю, Илью и Лешу, и сама встала рядышком.

– Четверо? Почему четверо? А вы, Андрей Анатольевич? – удивился Леша, испытывающе глядя на притихшего лже-дворника. – Вы с нами не пойдете?

– Нет, – признался он, скривившись, словно кусок лимона съел. – Я координатор. Я слежу из Порядка и...

– Понятно, – отмахнулся Леша, недослушав. – Вы отсиживаетесь за чужими спинами.

– Я контролирую изменения Запустенья извне, – обиженно пробубнил Андрей. – Замеряю его уровень, чтобы вас не поглотило. Если потребуется – я вмешаюсь, но это в самом крайнем случае. Нарушение баланса Порядка и Запустенья опасно. За это приходится слишком дорого платить, уж поверь мне.

Из небольшого кармана сбоку черной сумки Андрей достал странное устройство, похожее на фонарик на лямках, какое Леша видел на ладони Ани, и протянул именно Леше.

– «Теплый свет», – пояснил сосед. Он нажал на корпус, и оно замигало тусклым светом, источая пар. – Надень на руку. «Свет» помогает отбиваться от Пагуб – они тепла боятся. Оно помогает согреть того, кого от этих мерзких теток спасаешь и себя тоже. Главное, будь осторожнее, Леша, ни в коем случае не позволяй такой дамочке до тебя дотронуться, потому что тогда замерзнешь. Потом придется долго таять, а это больно и противно, если вообще живой останешься. Ну ты в курсе. Было, верно?

– Это когда водой тошнит? – брезгливо скривившись, прогнусил Леша. – Когда трясет как в припадке?

И те первые утренние водные процедуры, и вторые – в комнате с форточкой – до сих пор отзывались слабыми коликами в животе. А от мерзкого чувства, когда жижа льется и через нос, даже сейчас становилась не по себе.

– Да, Леша, – отозвался Андрей. – Правда, тебя только немного задело. Случалось, Дефекты больше недели к жизни возвращались или не возвращались вовсе. А теперь к делу. Время на исходе, и у Саши тоже. И потому, ребяташки, быстро наводим порядок в Порядке и собираемся в дорогу – мы едем в особняк.

– В смысле, едем? – озадачился Леша, оглянувшись на Аню.

Они с Настей как раз подбирали кружки, оставленные по углам после чаепития и на Лешу не смотрели.

– Вы сказали, в Запустенья нужно, так? – занервничал Леша. – Разве не через те самые знаки на рамах?

– Конечно, нет, – пожал плечами Андрей, широко и добродушно улыбнувшись. – Знаки нужны для выхода из Запустенья. Входить в него желательно из самого Запустенья, так сказать, изнутри процесса. И еще, важное, Леша – переоденься в новые черные вещи. Порядок не терпит разгильдяйства. Будь собран и дисциплинирован, Дефект. Будь идеален.

Глава 7. Я не смог тебя спасти

Эксперимент со стилем, как ни странно, удался. И хотя в черном костюме Леше было непривычно как-то уж слишком элегантно, зато удобно. Чего не мог сказать про странное устройство «Теплый свет», провозившись с которым битый час, он так и разобрался, как же его приладить к руке.

Зато Аня, похоже, разобралась в процессе прилаживания давно. И теперь Леше оставалось только недоверчиво поглядывать на то, как Аня прикрепляет именно «Свет», напоминающий небольшой фонарик, к его запястью. В то, что данный мелкий прибор, беспомощно мерцающий тусклыми бликами, поможет, когда окоченеешь, перестанешь дышать и встретишь саму смерть, верилось с трудом.

– Если будешь замерзать, – объясняла Аня, продолжая возиться с застежками фонарика. – Приложи его к груди. «Теплый свет» согреет и вернет сознание.

– Вот «это» может согреть? – небрежно усмехнувшись, бросил парень. – Сильно сомневаюсь. Максимум, что случится...

Но договорить он не успел. Аня прижала его «Свет» к его же запястью, и Лешу пронзила боль. Показалось, что в кисть воткнули раскаленный железный прут. Он подскочил, тотчас вырвался из рук обидчицы и выпалил:

– Что творишь, Аня?! Больно же!

– Больно, значит, жив, – наставнически буркнула Настя, которая как раз расположилась в удобном кресле-мешке в центре комнаты и теперь собирала длинные волосы в хвост на затылке. – Жив, значит, сопротивляйся.

– Вы все здесь чертовы безумцы, – раздраженно пропыхтел Леша, теперь растирая еще и поврежденное утром плечо, которое после разряда «Светом» – спасибо Ане, – вновь пробудилось и заныло.

– Стоит холод приложить, – тонко подловил его Илья.

Он, похоже, первым заметил возню нового приятеля, и, шутливо подбадривая, похлопал Лешу по спине.

– Нет, не стоит, – запротестовал Леша и уклонился от очередного шлепка назойливого денди. – Холод мне сегодня уже прикладывали. Думал, затоплю собственную квартиру и соседей снизу, когда водой тошнило.

– Не тошнило, а таял, – поправил Андрей. Сидя на лоскутном коврик у балконной двери, он что-то уже не меньше полчаса набирал на клавиатуре своего ноутбука и только теперь оживился: – Как ощущения?

– Непередаваемые, – процедил Леша. – Спазмы, боль, вода. Думал, что тону сам в себе.

Одернув рукава черной рубашки, он спрятал запястья под манжеты, чтоб Аня, то и дело поглядывавшая на его руки, уж точно больше не добралась до них.

– Это мелочи. Это ты еще даже не замерз. Пагуба тебя лишь слегка коснулась. От такого не умирают, – не глядя на парня, выдал Андрей, продолжая работать. – Горячий душ, горячий чай, теплая постель, и ты в порядке.

– Серьезно? – возмутился Леша, зябко поведя плечами. – Вот как? А потоп в моей комнате тогда что?

– Сколько ты таял, Леша? – уточнил Андрей и наконец удостоил его задумчивым взглядом. – Минут пять?

– Да что вы об этом знаете? – уперся он. Ведь лже-дворник его снова злил своим равнодушием и философским никому не нужным всезнанием. – Я, между прочим, часа два точно корчился на полу в самых уродских позах. Просто сесть и то не мог.

– А другие Дефекты от суток до недели не могут оттаять после встречи с Пагубой, – жестко произнес Андрей, глядя парню в глаза. – Кто-то не отходит и вовсе. Так что, ты отделался легким испугом.

– Легкой водой, так сказать, – сумничал за спиной Илья и хихикнул.

Дальше терпеть бредовые выходки шутника ни терпения, ни сил не осталось, и Леша развернулся и отпихнул его от себя.

– Ты достал уже юмориной своей! – рассердился Леша. – Это не смешно, Илюшенька, слышишь! Мне не смешно!

Еще и еще толкал он Илью назад, ухватив за плечи, а тот пятился и не оборачивался.

– Да хорош, Дефект, ершиться, – чуть покачиваясь от каждого толчка оппонента, кривился Илья. – Шуток не понимаешь?

Илья даже и не пытался сопротивляться. Казалось, обиды новичка его только сильнее веселили. Однако очередной жесткий выпад Леша оборвал его речь – весельчак не устоял, пошатнулся, и правая нога его поехала вперед. Он растерялся и запаниковал, хватаясь за ускользящее равновесие, но не получилось удержаться. Падая на спину, Илья изловчился одной рукой зацепиться за оконную раму, а другой за ушибленное плечо Леша.

Острая боль заставила его вскрикнуть и зажмуриться. А потом явилась очередная короткая слепота. Сопровождаемая далекими гулкими звуками, она до того внезапно сменилась затхлостью, что Леша поскользнулся, не поместившись на узком подоконнике, и свалился на бетонный пол. О том, как оказался на подоконнике, он и подумать не успел, потому что клубы пыли мгновенно взвились ввысь, захватив его в себя, и он закашлялся.

Когда наконец перевернулся на спину и чуть приподнялся на локтях, он еще надеялся увидеть ее – Аню с пузатой кружкой с чаем в руках. Однако, поднявшись на ноги и осмотревшись, понял, что надеждам его не суждено оправдаться.

Леша оказался вовсе не в Порядке, нет, а снова в непонятно где – заброшенный, обветшавший особняк, словно из прошлого века. Три этажа замшелых стен и потолков, скрипящих перекошенных окон, мотков черной паутины по углам и старинной мебели, заваленной останками кровли.

В потолке была огромная дыра, и в крыше тоже.

В центре помещения – гостиной, на первый взгляд, – обнаружилась когда-то величественная мраморная лестница. Время не пожалело ни ее ступени, отметив их сколами и трещинами, ни ограждения, которые проржавели так сильно, что, казалось, достаточно одного прикосновения, чтобы они рассыпались в металлический прах.

В правом углу, почерневшем от плесени, жалось винтажное кресло без сидухи. У противоположной стены – громоздкое пианино, давно разохшееся и покрывшееся толстым слоем пыли, часть клавиш которого покоилась у подножия среди остатков пола, часть на положенном месте, но вверх ногами.

Вот оно – Запустенье. По-другому и не скажешь. Прямо в точку!

Ну а прямо перед Лешей сидел Илья, упираясь ладонями в куски битых кирпичей.

– Ты что наделал, Дефект? – зашипел он, враскорячку поднимаясь и озираясь по сторонам. – Ты нас прямиком в Запустенье отправил! Андрей Анатольевич еще не дал разрешения на вход! Он не установил связь с особняком! А если здесь Пагубы? Нам конец тогда, понимаешь?

– Серьезно? – взбудоражился и Леша. Это место его совсем не пугало, нет. Его все больше и больше раздражал именно Илья. – Это я виноват? Вот как! Или, возможно, не стоило за окно хвататься, Илюшенька?

– Не ори. Пагубы всегда рядом. Они услышат и придут, – сердито пропыхтел он, старательно отряхиваясь от пыли. Но тут же расплылся в шкодливой улыбке и хохотнул: – За тобой, Дефект.

– Это ты нас сюда притащил, шутник, – тише отозвался Леша, подошел ближе и легко ткнул Илью кулаком в грудь. – Ты ухватился за знак и утянул меня за собой, правильно я понимаю? Значит, Пагубы эти придут именно к тебе.

– Правильно, Алешенька, – недовольно скривился Илья, бросив бесполезную затею привести в порядок свой черный костюм. Похоже, победить пыль Запустенья было не так-то просто, она не смахивалась ни с одежды, ни с ладоней. – Но ты меня пихнул первым, я не устоял и...

Шутник не договорил и замер на месте, сосредоточенно глядя через плечо собеседника, потому что у дальнего окна зашуршали. Леша развернулся и прокрался к подножию выдавшей виды лестницы. Шаг, другой, аккуратно передвигался, чтобы без скрипа и скрежета. Потом бегло дотронулся до перил и заглянул за угол. С облегчением выдохнув, он обернулся к Илье и вздрогнул, увидев того прямо перед собой. Оказалось, юморист так быстро и бесшумно перемещался, что Леша даже самых тихих шагов за спиной не услышал.

Поежившись от накатившей робости, Леша прошел дальше и наконец совсем близко увидел Настю, стоящую на подоконнике старого окна. Она упиралась пальцами в растрескавшуюся раму и осматривалась, а когда заметила Лешу, махнула ему. И он тут же поспешил к ней. Да и Илья не отставал, семенил рядом.

Стоило Леше подать Насте руку, как она, благодарно улыбнувшись, тотчас ловко соскочила ему в объятия, и так же ловко высвободилась, попутно грациозно поправляя чуть растрепавшийся темный хвост волос на затылке.

А потом он заметил над собой Аню и не справился с эмоциями: дернувшись от неожиданности в сторону, он не только резкой бледностью лица выдал свой нешуточный испуг, но и дрожью в руках. Ну не заметил он Аню, и все тут...

– Не такая уж я и страшная, чтобы от меня шаррахаться, – упрекнула Аня, сверля его хмурым взглядом.

За спиной раздался смешок Ильи.

– Я этого и не говорил, – нарочито спокойно отозвался Леша, и потянулся к Ане, чтобы помочь спуститься с подоконника и ей. – Просто тут...

– Просто тут и слова не нужны, – буркнула она и соскочила на пол, и не подумав воспользоваться предложенной им помощью. – И так понятно. Твой взгляд, Леша, говорит намного красноречивее тебя.

– Ревнуешь, малыш? – прыснул Илья и приглушенно хихикнул. – Не ожидал.

– Раздражает, когда сквозь тебя смотрят, – равнодушно отозвалась Аня и посмотрела на Лешу так же. – Как будто рядом никто, пустое место. А я есть, между прочим. Я есть.

Аня отвернулась и, не произнеся больше ни слова, прошла мимо. Настя и Илья – следом. А Леша остался один – один посреди этого странного Запустенья в полнейшей неопределенности. Да, он хотел помочь новым знакомым, но влиться в их команду пока не получалось. Нет, он не понимал их: их шуток, разговоров и поступков, и даже не пытался понять. А еще он по-прежнему не мог разобраться, где находится и зачем он здесь, и значит, по-прежнему не понимал и себя. Противоречия, противоречия...

С самого утра день не сложился, и чем дальше, тем становилось только хуже и запутанней. Но он же добровольно согласился учувствовать в поисках Саши, верно? Верно. Тогда какой теперь смысл накручивать себя? Пусть Аня косится на него сколько хочет, он не отступит и поможет.

Расшвыряв и без того включенные, пропыленные после падения с подоконника волосы, он собрался уже окликнуть неприступную спутницу, чтобы и его подождала, но передумал, когда заметил на втором этаже яркий блик света.

Опасливо переступая куски кирпичей, он быстро добрался до лестницы и стал подниматься по ступеням. Он не боялся сейчас, нет, его манило к себе именно это зарево. Шел, а под

ногами хрупало еще и крошево штукатурки, ржавые поручни поскрипывали и подрагивали от каждого прикосновения ладони.

Сверху же веяло приятной сыростью и прохладой, как от пруда или озера, и даже пахло так же – теплой застоявшейся водой.

Сразу вспомнился заболоченный водоем в зарослях высоченного камыша, куда они с папой давно-давно, будто в другой жизни, ездили на первую Лешину рыбалку. Где у кромки воды мокрый, темный песок. Он вниз затягивает, если детской ножкой наступить. Песок так просто не отпускает, чавкает, чмокает и слюнявит расстегнувшийся темно-синий сандалик, словно съесть хочет. И вот-вот непременно утащит обладателя сандалика в позеленевшую воду навсегда. Ага, как же, вон папа совсем рядом и вмиг спасет сына, если песок только посмеет напасть и...

Да глупости все это! Леша снова рассердился на себя за никчемные воспоминания и решительней двинулся вперед. Раздерганный и парящий изнутри токсичными обидами, он даже не заметил, как влетел на второй этаж и промчался сквозь темный коридор. Опомнился он, лишь когда оказался в разоренной комнате. Сначала он глубоко подышал, успокаиваясь и отгоняя прочь слезливые воспоминания об отце, а потом гордо вскинул подбородок и наконец огляделся.

Мебель в этом помещении отсутствовала, за исключением двух внушительных размеров квадратных зеркал, которые висели на полинялой стене. Отражения в зеркалах было не различить, они словно выцвели и больше походили на архивные фотографии в фамильных старомодных альбомах.

Но поразило его другое: блики света, которые поочередно падали то на пол, то скользили к лестнице, то отзывались на потолке, как ни странно, пробивались сюда совсем не с улицы сквозь дряхлое панорамное до потолка окно, а именно с мутных зеркал.

Чтобы разобраться, как из стекляшек без отражений может идти свет, Леша решил смахнуть с них влажную пыль. Но тут чья-то ладонь легко легла ему на плечо, и он, вздрогнув, обернулся – Аня. Она стояла за ним, строгая и напряженная, приложив указательный палец к губам.

– Нельзя, Леша, – прошептала девушка. – Здесь ничего нельзя трогать. Здесь повсюду страх.

– Ну и что тут у вас, безумцы мои? – выпалил Илья, ввалившись в комнату и растолкав в стороны ребят.

Илья шагнул ближе к стене с зеркалами, взгляделся в одно из них и уперся плечом в засаленную раму, похоже, совершенно не беспокоясь о том, что вывозится в грязи еще и здесь. Вот дела, а строил то из себя лощеного пижона, не меньше. Хотя, что Илье терять-то после пылевых ванн Запустенья? Пятном больше, пятном меньше, шикарный костюм модника не спасти. Самого Илью отмыть бы. Леша издевательски хмыкнул у нового знакомого за спиной.

– Илья, ты же знаешь... – начала Аня.

– Без паники! Всего лишь зеркала, Ань. Бояться нечего, верно? – перебил ее Илья и, манерно поправив спутанную, утратившую ухоженность челку, обернулся к Насте. – Только тиной воняет, да, Наська?

Девушка в ответ пожала плечами. Когда же Илья зажал нос и свободной рукой размашисто протер сразу оба зеркала, то на поверхностях их мгновенно проступили непонятно откуда взявшиеся увесистые капли. Шутник тут же отступил назад, слабо толи пискнув, толи просто-нав, а с зеркал на пол ручьями потекла вода.

– Только не сейчас! – взмолилась Настя. – Илья, уходи оттуда!

Странно, Илья не шевелился. Он будто врос в бетон, не дышал, голова опущена. Его шикарная улыбка исчезла, неожиданно сменившись дрожащими губами и подбородком, а бессмысленный взгляд направился вниз.

– Прости, я не смог... – хрипло прошептал он. И вдруг вскинул голову и уткнулся обезумевшим взглядом в Лешу. – Я не смог тебя спасти...

Ссутулившись, еще секунду назад роскошный денди сейчас смотрел на собеседника широко распахнутыми глазами полными ужаса. Покачиваясь, словно в трансе, Илья тыкал в сторону Лешу дрожащей рукой, а Леша не отрывался от его глаз. Вот же он – тот самый беспредельный ужас, от которого кровь в жилах стыла. Но что же случилось?

Ногам становилось беспричинно холодно и мокро, но Леша не понимал почему. И только когда услышал Аню, он очнулся.

– Беги, Леша! Беги!

Аня оказалась метрах в трех от него, а напротив простиралась мутная, неясно откуда взявшаяся посреди частного дома, источающая мерзкую вонь, водная гладь. Там, где стоял Илья и за ним, было сухо, а вот Леша уже почти по щиколотку увяз в жиже. Обшарпанные стены комнаты, как губка, впитывали ее, а потом, обнажая кирпичи, обваливались кусками, с шумом проваливаясь... в глубину!

Леша похолодел и завертел головой, не веря в то, что видел. По всему выходило, что помещение увеличилось в размере раза в два, а пол почти полностью затопило неиссякаемым потоком тухлого месива из... зеркал!

– Я... не смог... тебя спасти... – снова простонал Илья.

У Лешу дыхание перехватило. Исподлобья глядя на погибающую в трясине кирпичную кладку, он уже точно знал, что именно творилось вокруг. Ну конечно, это же он – чужой страх!

– Леша, беги же! – закричала Аня.

Но он уже не смог ни обернуться к ней, ни ответить, ведь в следующую секунду Лешу, не успевшего даже вскрикнуть, рывком утянуло под воду с головой.

Воздух закончился сразу, и риск потерять сознание был велик. Но Леша все-таки выдержал, не растерялся, сумел крутануться в воде и изо всех сил дернулся вверх. Однако намоченная одежда и обувь предательски потянули его вниз.

Мутная вода спрятала дно, и определить, насколько тут глубоко оказалось невозможно. Да и зачем? На дно он точно не собирался. Потому совершив еще один мощный бросок вверх, он все же вынырнул и, пусть хрипя и кашляя, наконец вдохнул.

Но что-то невидимое и при этом невероятно сильное очередным яростным рывком снова утянуло его за ноги в толщу зловонного болота. И вот тут-то Леша запаниковал. Ведь сколько бы усилий он ни прилагал, чтобы вырваться из западни, все равно тонул, пугающе булькая. Он умел плавать и хорошо, но сегодня бесполезно барахтался в топи посреди полуразрушенной комнаты, теряя силы, и не понимал, почему никак не выберется.

Илья по-прежнему стоял у кромки гигантской лужи и голосил, обхватив голову:

– Прости! Я не смог! Я не смог тебя спасти!

Настя не оставляла попыток оттащить его к двери и с силой затыкала ему рот ладонью, но тщетно. Обезумевший шутник вырывался, кусался и, отшвыривая девчонку от себя, снова выл.

– Хватайся за меня, Леша! – звала Аня, стремясь дотянуться до Лешу, стоя на коленях у края гиблого болота. – Только не сдавайся!

Уступать трясине он, конечно, не собирался. Но и трясина не отпускала пленника. Она густела, насыщалась гнилой жижей вперемешку с грязью. А он все сильнее вяз в ней, слабел, и смерть для него становилась просто вопросом времени. Но он не сосредотачивался на смерти, он рвался в жизнь, к Ане. Однако как ни старался ухватиться за ее ладони, те оставались для него недосягаемыми.

Стены, выступы, крючки, штыри – Леша цеплялся и за них, как за последнюю надежду снова жить, а сам только сильнее сдирал руки в кровь и вновь тонул.

И вот в очередной раз уйдя под воду вместе с внушительными кусками размякшей штукатурки, он понял, что больше не вынырнет. Он окончательно потерял ориентацию в простран-

стве, и, казалось, выхода на поверхность больше нет, ловушка захлопнулась. Организм его требовал воздуха, но воздуха тут не было. Его ноги сломало сильными судорогами, а грязной воды он нахлебался так изрядно, что теперь в груди адски пекло и...

...И внезапно обжигающая боль пронзила его между лопаток. После его резко крутанули на месте, зажали рот и нос, и он увидел перед собой под водой Аню и ее ладонь с «Теплым светом», рвущуюся ему под дых. Зажмурившись, он только и успел про себя понять, что раз для него уготована очередная пытка, он, естественно, закричит. А потом захлебнется склизкой жижей, так и не найдя того самого Сашу...

Как вдруг уже знакомая короткая слепота на мгновение снова сделала его незрячим калеккой, а потом они вместе с беззвучьем потащили его прочь из болота и бестактно вытолкали в суровый холод.

Ледяной воздух тут же со свистом ворвался в грудь, и Леша тяжело закашлялся, пытаясь освободить легкие от тухлой воды. Закружилась голова, и очертания предметов вокруг рассмотреть стало невозможно: они то двоились, а то и вовсе расплывались перед глазами, словно теряясь в тумане. И тогда он попытался опереться о стену, чтобы не свалиться без чувств, но, вдавив ладони в колючий снег, вскрикнул и тут же прозрел.

Насквозь мокрый, грязный, перепачканный кровью, сотрясаемой дрожью, он, поджав ноги под себя, сидел на скрипучем дощатом полу, на глазах обрастая ледяной коркой.

В то, что впереди искрился недоброй зимней сказкой длинный коридор, он сначала не поверил и заподозрил у себя очередные галлюцинации. Потому для верности помахал рукой перед лицом, словно муху отгоняя. А когда картинка не поменялась, не поплыла и даже не зарыбила, как с ним частенько бывало, в реальности происходящего он больше не сомневался. К тому же чуть дальше по коридору, окутанному мохнатым инеем, мерещился свет. Наверное, комната с окном, а, значит, и спасительный выход.

Он не сразу сообразил, что только что тонул в трясине вместе с Аней, а теперь один снова в непонятно где. Когда же сообразил, растерянно позвал:

– Аня...

К счастью, Аня нашлась быстро – сидела слева от него у стены, прикрыв глаза. Позвать ее еще раз не получилось – голос совсем пропал. Негнущимися пальцами он попытался дотянуться до ее руки, но не вышло. И тогда ему пришлось изловчиться встать, но только на четвереньки, после чего он сумел и дотянуться до нее, и дотронуться. Она вздрогнула, словно ото сна очнувшись, и кивнула ему.

Смотреть на нее было жутко: практически белое лицо и губы, газа покраснели и слезились, руки в заметных царапинах, подрагивающий подбородок. Однако и насчет своего вида Леша иллюзий не питал: был уверен, что выглядит не лучше.

Но вот Аня, кажется, совсем пришла в себя, чуть улыбнулась и до того проворно подалась к нему, замахав руками и затараторив, что он еле успевал и за ее порывистыми движениями, и за такой же речью:

– Живой, Лешечка. Знала, что выберешься, ты же Переход. Знала, что вместе выберемся. Хотя, если честно, даже не думала об этом. Главное, что и ты живой, и я, и...

По бледным щекам ее побежали слезы, и она вдруг замолчала, рассеяно бегая взглядом по его лицу. Странно так: и улыбалась, и плакала одновременно, сплошное противоречие, а не девчонка. Слезы эти тут же замерзали, оставляя на почти прозрачной коже блестящие дорожки. Он придвинулся ближе, слабо улыбнулся ей в ответ, правда без слез, а после притянул ее к себе и обнял.

Пусть они оба мокрые, грязные, с заиндевевшими волосами и одеждой, но... живые. И нужно было живыми и оставаться, а значит, сопротивляться и срочно согреться.

– Почему ты здесь? – первым заговорил Леша. Его колотил озноб, голос то и дело срывался, да и просто он безумно устал, но обязательно хотел знать ответ.

– Вместе вошли, вместе вышли, – как-то совсем по-детски шмыгнув носом, решительно произнесла Аня, а потом так доверчиво ткнулась носом ему грудь, что он растерялся. – Никого не бросаем, Леша.

От Аниных касаний стало легче, поэтому он еще крепче обнял ее и тут услышал бряканье на запястье – устройство «Теплый свет» ожило и теперь источало пар.

– Сопровитляйся, да? – попытался еще раз улыбнуться Леша, но не вышло.

Продолжая подрагивать, он повернул ладонь «Светом» вверх – вот сейчас он и согреется. И не только он один. Аня кивнула, отстраняясь от него и отодвигаясь чуть в сторону.

Однако, когда чудо-фонарик почти коснулся его солнечного сплетения, решительности у Леша поубавилось – так себе из него смельчак, конечно. Но и отступить уже не мог себе позволить – он просто обязан был со всем этим справиться. Потому он крепко зажмурился и поджал губы, чтобы только малодушно не орать от боли при такой храброй девчонке, как Аня.

Зато Ане храбрости было не занимать, и ее руки неожиданно бережно оплели его плечи со спины, скользнули по груди и замерли у самого сердца, будто хотели уберечь от неизбежного прострела.

– Только не бросай меня здесь одного, если что пойдет не так, – не открывая глаз выдохнул он. – Ладно, Ань?

– Не брошу, – шепнула Аня ему на ухо. – И ты тоже.

И это было последнее, что слышал Леша, прежде чем нелепый, на первый взгляд, и такой обжигающий при близком общении, «Теплый свет» впервые победил именно холод, затаившейся под черной рубашкой парня, а не его самого.

– Ты тоже не бросай меня, Леша...

Глава 8. Взрослые страхи

Вечная мерзлота всегда казалась ему выдумкой. В мерзлоте отдельно, конечно, очень даже верилось, особенно зимой, когда дрогнешь на остановке в ожидании маршрутки. А вот на нечто сомнительное «вечность» Леша давно не надеялся. Но только не сегодня. Ведь именно сегодня он брел по насквозь промерзшему мрачному коридору, и его не отпускало странное чувство – словно все это не на самом деле, нет, а на грани сна и яви. И вечности.

Толстый слой льда на стенах – как такое возможно? Откуда он здесь, почему не тает? Когда закончится?..

Обнадеживало хотя бы то, что даже когда вокруг хозяйничал мороз, голубой цвет инея угнетал, а волосы и одежду припорошило снежком, Леша и сам согрелся, и Ане помог. Оказалось, что нелепый фонарик на лямках не только испепелял жаром, но и испускал приятное тепло, не причиняя боль вообще, если им осторожно касаться. Это радовало, ведь боль Леша переносил плохо с детства. Ведь именно в детстве серьезно повредил спину и потом долго лежал в больнице.

Кстати, на лестнице в подъезде расшибся. Произошедшее тогда, не помнил. Может, мозг старательно прятал от него подробности падения в укромные серые уголки, чтобы не травмировать лишний раз и без того пострадавшее детское тело. Или был так мал, что ничего не запомнил. Мама говорила, что он оступился на ступенях и не удержался, а она вовремя не поймала. В любом случае в боль больше не хотелось, а хотелось скорее попасть домой, в собственную комнату. Но для начала нужно было выбраться из Запустенья самому и помочь Ане... и Саше.

Впереди маячил проем в комнату, которую он увидел, когда только пришел в себя. Обернулся к Ане – она шла рядом. Такая смелая и тревожная одновременно, она сжимала его руку и молчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.